

Страница Любовь

*Игрушка
для
Мастера*

Забавно играть в живые игрушки.

Бессмысленный грохот клубняка давит на уши. Как вода на большой глубине при погружении.

Хорошо бы сейчас на Красное море! Но никуда не денешься от рутины — контракты, переговоры, сытые рожи инвесторов. Равнодушная февральская Москва крепко держит холодными пальцами за горло. Одна ошибка, рывок не в том направлении — и все. Беспощадная хватка сожмется, перекрывая кислород, ломая позвонки.

Теоретически я знаю, каково это. Моим послушным сучкам нравится. Но они знают — я разожму пальцы за один миг до того, как станет поздно. А в моем случае... Стоп-слова у меня нет.

Ставлю пустой бокал на стол. Сегодня больше не хочу пить. Алкоголь лишает возможности контролировать себя. А я Мастер. Мастер контроля. И у меня на этот вечер планы.

Из моего закутка в самом углу вип-зоны я вижу почти весь большой полутемный зал, изрезанный на рваные куски прожекторами, пропитанный духами, потом, сигаретным дымом и запахом похоти. Где-то там, среди пьяной, обкуренной, заведенной близостью чужих полуголых тел толпы, — она. Моя новая игрушка. Она еще не догадывается, что ей предназначена такая роль. Но ей понравится. Им всегда нравится.

Я уже чувствую нервную дрожь, как хищник, что почуял свежий след добычи. Я и есть хищник. Вольф. Мой ник в интернете и псевдоним в этом клубе.

У меня не было нижней уже давно. Договор с последней разорвал я сам. Как делал всегда. Как только игрушки переставали меня удивлять. Как только каждый вздох, стон и крик становились предсказуемыми. Я люблю новые игрушки. И без сожаления расстаюсь со старыми.

Острый, словно лезвие, луч вдруг вырезает из толпы женскую фигуру, и я подаюсь вперед. Вот то, что я искал. Моя будущая игрушка сидит на высоком барном стуле и скучающим взглядом обводит толпу. Она тоже ищет. Своего хозяина, своего господина. Меня. Да, детка... Я здесь.

Медленно встаю, иду через зал прямо к ней, разглядываю ее бесстыдно, оценивающе, по-хозяйски, словно имею все права. Хотя, это вопрос времени. Она уже моя. Зовет меня. Молча, но внятно, всем своим существом, от полуоткрытых ярко-накрашенных губ, небрежно рассыпанных по плечам темных волос, до стройных длинных ног, откровенно выставленных на показ слишком короткой юбкой. Девочка будто специально хотела мне угодить. Я жду, когда она почувствует мое приближение. Должна почувствовать. Так бывает всегда. Представляю, как у нее забьется сильнее сердце, к щекам прильет кровь, внизу живота начнет сладко тянуть. Сейчас ее глаза встретятся с моими, длинные покрашенные ресницы вздрогнут и опустятся. Игрушка не может смотреть в глаза своему господину.

Ну вот. Хорошо. Теперь ты меня знаешь. И течешь от предвкушения моей власти над тобой. Могу поспорить, что там, под короткой юбкой тепло и влажно. Хочу забраться туда, почувствовать, как плоть сжимается вокруг моих пальцев. Но это потом. Позже. Мягко прикасаюсь к бархатистой щеке.

— Свободна? Хочешь мой топ?

Розовые блестящие, словно лакированные губы приоткрываются, чтобы ответить, и я легонько шлепаю по ним.

— Я не разрешал говорить. Просто кивни.

Она несколько раз коротко вдыхает, как рыбка, вытасченная из воды. Сколько пройдет секунд, пока она согласится? Три? Пять? Начинаю в уме отсчет.

И один... и два... и три... и четыре...

Каждая секунда твоих раздумий добавляет тебе по одному удару плетью. Ты еще не знаешь об этом. Это маленький сюрприз.

Проходит целых двенадцать секунд. Наконец, короткий кивок, она ловит мою руку губами. Влажное, чуть липкое от помады прикосновение... Она моя. Моя новая игрушка.

— Идем.

Сжимаю ее прохладные, чуть вздрагивающие пальцы и веду за собой. В этом клубе для меня всегда готова приват — комната. Нащупываю в кармане брюк ключ и слушаю ее неровное дыхание. Мне нравится ее запах, свежий, легкий, с цитрусовыми нотками. Здесь в почти полной темноте коридора, багряной от красных светильников на потолке, блаженная тишина.

Перед комнатой с номером восемь я отдаю ключ ей. Нижняя должна сама открыть дверь игровой, тем самым демонстрируя добровольность. Ритуалы, ритуалы...

Она нервно пытается попасть в замочную скважину ключом. Боится, она меня боится. Это хорошо. Страх обостряет чувства, впрыскивает в кровь адреналин. Сжимаю ее руку и помогаю повернуть ключ. Мягко вталкиваю внутрь темной комнаты.

Слышу, как она сглатывает комок в горле. Оглаживаю ладонью ее спину, успокаивая. Другой рукой нащупываю выключатель. Чувствую, как она вздрагивает, когда зажигается свет.

Я сам подбирал обстановку в этой комнате. И знаю, что она впечатляет. Традиционные цвета — кроваво-красный и черный. Лакированное темное дерево креста. Устрашающие девайсы для порки. Свисающая с потолка цепь для подвешивания. Она беспомощно оглядывается на меня. Но тут же опускает глаза. Хорошая, послушная девочка.

— Сними одежду.

Снова вздрагивает и вертит в руках сумочку. Забираю у нее золотистый маленький прямоугольник.

— Тебе это не понадобится.

Терпеливо смотрю, как она расстегивает пуговицы на блузке, спускает с плеч легкий шелк. Маленькая, аккуратная грудь, с розовыми кружками ореолов, по-девичьи торчащая. Интересно, а трусиков она тоже не носит? Короткая юбка так медленно сползает вниз, что я уже готов сорвать ее сам...

Какая умница! Все как я люблю. Гладкая, без единого волоска, уже влажная.

Подбираю с пола сброшенную ею одежду и туфли. Вместе с сумочкой убираю в шкаф. Закрываю его на ключ. Это тоже ритуал.

Она стоит, опустив голову, и по ее нежному стройному телу пробегает нервная дрожь. Нет, пожалуй, я не буду ее сразу пороть. Слишком хрупкой и юной она кажется. Нужно было спросить сколько ей лет... Тревожный колокольчик звякнул и захлебнулся в горячей волне возбуждения. Моя игрушка приоткрыла ротик и облизала губы...

Глупости, в клуб не пускают несовершеннолетних!

Я больше не могу сдерживаться. Поднимаю ее лицо под подбородок.

Карие глаза испуганного олененка, в уголках дрожат слезы. Нет, только не плачь. Слез я не люблю.

— Хочешь уйти? Прямо сейчас.

Задержал дыхание. Не хочу ее отпускать. Но если она так решит...

Безмолвное движение головы — справа налево.

Нежно глажу ее по щеке большим пальцем. Потом прохожусь по губам, они послушно приоткрываются. Стираю помаду — все равно размажется. Надо было отослать ее умыться. Не люблю неопрятности. Палец скользит в рот, и она принимает его, мягко посасывая... Да... вот так... молодец, девочка.

— На колени.

Она не отвела глаз, в них еще плещется страх, но появляется надежда. Она знает, чего я хочу. И тоже этого хочет. Опускается на колени, робко протягивает руки к молнии брюк. Позволить ей самой? Нет. Пусть ощущает полную беспомощность.

— Руки назад.

Она отдергивает пальцы и прячет ладошки за спиной. Связать? Лишние секунды ожидания. А я и так уже на взводе.

Медленно расстегиваю брюки, спускаю их. Вижу как распахиваются шире ее глаза... Усмехаюсь. Тебе повезло, малышка.

Большим пальцем надавливаю на ее нижнюю губу, заставляя открыть рот. Она подчиняется, и я со стоном вхожу почти на всю длину, достав до горла. Чувствую, как оно сжимается в спазме, и отступаю, даю ей вдохнуть.

— Дыши носом. Я люблю жестко и глубоко. Если не можешь, уходи.

Смаргивает выступившие слезы, отрицательно качает головой. Собираю в кулак ее волосы, удерживаю на месте и снова вхожу. Чувствую, как она пытается справиться с рвотным рефлексом, но мне уже все равно. Глубже, еще глубже, сильнее, еще, еще... Накатывающее освобождение такое сильное, что причиняет боль. Чувствую, как она пытается оттолкнуть меня, жестче стискиваю в кулаке волосы и прижимаю ее голову к себе. Она издает неясный всхлип. Нет, детка. Я тут главный. Хрипло рычу. Она захлебывается, кашляет.

— Хорошая девочка.

Оставляю ее сидеть на полу. Пока она приходит в себя, продумываю дальше сценарий. Пожалуй, она заслужила небольшое поощрение.

— На кровать.

Быстро вскакивает и бросается к большой ковanej кровати в углу комнаты. Молодец, правильно реагирует. Пожалуй, я подумаю о следующей сессии с ней.

Несколько секунд смотрю, как она неловко сидит на самом краешке постели.

— Ложись. На спину.

Не спеша освобождаюсь от одежды. Первое напряжение снято, теперь я могу спокойно играть. Поглядываю на нее. Напряглась, застыла, колени сжаты, руки скрещены на груди. Бледная кожа на красной ткани — очень красиво. Опять поражает ее хрупкость и незащитность. Не понимаю своих ощущений. Я хочу ее, сильно, она очень хороша, но какой-то странный привкус порочности, неправильности происходящего не оставляет меня. Усмехаюсь. Порочность. Подходящая мысль для тематика.

Не спеша поднимаю ее руки, застегиваю на узких запястьях кожаные наручи, защелкиваю карабины. Ее грудь приподнимается и выглядит еще более соблазнительной.

Провожу ладонью между двумя холмиками, чувствую, как бьется ее сердечко. Часто-часто. Сжимаю между пальцами потемневший от возбуждения сосок. Она стонет и закрывает глаза. Хочу попробовать ее на вкус. Обхватываю губами, щекочу языком. Сладкая... Надо же, по настоящему сладкая! Думал, такого не бывает. Всегда женская кожа чуть солоноватая на вкус, у кого-то неуловимо отдает мускусом, у кого-то пахнет парфюмерией. У моей новой игрушки сладкий вкус молочной карамели.

Она стонет громче, кусает губы, сжимает и разжимает кулаки, тянет на себя ремни. Спускаюсь ниже, мой язык ныряет в ямку пупка, она выдыхает резко, сквозь зубы. Да, девочка, я знаю, тебе хорошо.

Развожу в стороны ее бедра, преодолевая сопротивление, она пытается сжать колени.

— Я раскрою тебя распоркой. Или привяжу. Хочешь?

Мотает головой.

— Будешь послушной?

Кивает и кусает губы. Не могу преодолеть соблазна и жестко целую ее, впиваюсь зубами в нижнюю губу, она вскрикивает. Карамельный вкус становится ярче, он смешан с моим, — солено-сладким. И немного отдает металлом, кажется, я укусил ее до крови. Металлический привкус напоминает о моих любимых игрушках. Обожаю этот контраст — металл, впивающийся в нежную тонкую кожу. И тут же торможу себя. Сейчас еще рано причинять ей боль. Сначала удовольствие.

Резко раскрываю ее сильнее, она уже не сопротивляется. Провожу носом по гладкой, шелковистой коже, вдыхаю ее запах.

Женское чистое тело пахнет просто восхитительно. А моя новая игрушка очень чисто плотная. И умеет за собой ухаживать. Ее кожа безупречная, сияющая, гладкая, без единого пятнышка.

Дразню ее языком, она дрожит, хрипит, стонет. Я знаю, как тебе хорошо, малышка. Но так просто оргазм ты не получишь!

— Не смей кончать. Можешь просить меня.

— Пожалуйста... — хриплый шепот.

Ладонью звонко шлепаю ее по попе.

— Пожалуйста, кто?

— Господин, — всхлипывает моя игрушка. — Пожалуйста, господин... я не могу... не могу...

— Нет.

Она всхлипывает опять.

Прекращаю ее дразнить, даю ей немного успокоиться.

Я давно готов, но хочу еще помучить свою игрушку. Вижу, как набухла ее плоть, потемнела, стала ярко-розовой. Влажная, ждущая меня. Палец легко скользит внутрь. Но черт... она такая узкая... Сколько же ей лет? Добавляю второй... Глубже... Она тихо вскрикивает... Не может быть! Она не может быть девственницей... Третий палец... Сгибак их, растягиваю ее книзу, она извивается и сама подается навстречу моей руке. Фух... нет, просто узкая. Так бывает.

Влага уже стекает мне в ладонь. Больше не могу сдерживаться. Презерватив под подушкой. Быстро раскатываю. Нависаю над ней. Один резкий толчок и она кричит, громко, истошно. То ли от боли, то ли от наслаждения. Не важно. Останавливаться не в моих правилах. Это моя игра, детка. Расслабься и получай свое удовольствие. Вбиваюсь в нее все

резче и глубже, она больше не кричит, только стонет и всхлипывает. Пальцем нащупываю чувствительное местечко, она дергается подо мной... Еще, еще, я уже на краю...

— Давай... сейчас... — рычу ей в ухо и сжимаю зубами тонкую мочку.

Она вскрикивает и замирает... чувствую внутри ее спазмы... и сам срываюсь.

Лежу рядом с ней на спине и разглядываю. Такая красивая! Крепко зажмурилась, сжала губы. По щеке стекает слезинка. Хочется слизнуть ее. Но двигаться лень. Так же как и вставать. Что бы придумать дальше? Может заставить ее навести чистоту? Это было бы неплохо.

Снимаю презерватив, отправляю его ловким броском в корзину. Отстегиваю ее руки, снова укладываюсь на спину, за волосы притягиваю свою игрушку к животу.

— Господин должен быть чистым. Поняла? Все до капли.

Она смотрит на меня беспомощными глазами. Губы дрожат... Боже, она сейчас расплачется. Но ты же знала, детка, на что идешь?

— Ну же! У тебя проблемы с моим приказом?

Мотает головой. Нерешительно наклоняется. Закрываю глаза, запускаю пальцы в ее волосы... Восхитительно! Нежный как у котенка язычок, немножко шершавый. Ох... я уже готов... может продолжить? Ну нет... пора наказать ее за непослушание.

— Хватит! — резко дергаю ее за волосы. — Встань.

Она послушно поднимается. Глаза все еще на мокром месте. Хлюпнула носом. Совсем как девчонка.

Киваю головой на свисающую с потолка цепь. Вижу, как она дрожит, но нехотя идет.

Прежде чем приковать ее карабинами к цепи, осматриваю запястья. Кожаные наручи мягкие, почти никогда не оставляют следов, но лучше подстраховаться с венами. Я заботливый топ. Не люблю, когда у моих сабочек синяки.

У нее такая тонкая кожа, что покраснела даже от наручей. Нужно потом растереть и смазать кремом.

Моя игрушка небольшого роста и едва достает ногами до пола. От этого ее грудь выпирает, живот втягивается. Выглядит просто чудесно.

Поглаживаю ласково ее по спине, по попке, по животу, втираю ароматное масло, разогреваю ее. Она молчит, только тяжело дышит. Обвожу грудь, покручиваю соски. Молчит, прикусила губу. Жаль, с такой кожей пока нельзя надеть зажимы. Ну ничего, позже. Я терпеливый. Постепенно выдрессирую твоё тело, детка, подстрою его под свои желания и привычки. Как настройщик настраивает пианино. Откалибрую твои реакции, приручу тебя...

Ох, я уже планирую длительную связь? Но девочка и вправду мне нравится. Будто специально создана для меня. Посмотрим, что у нее с болевым порогом.

В ладонь привычно ложится кожаная рукоять моей любимой семихвостки. На концах каждого ремешка в узелки затянуто по дробине. Они легкие, но придают дополнительную силу удару. Мне сделали ее по заказу, дорогая, отлично выделанная телячья кожа.

— Я хочу тебя наказать.

Она открывает рот, видимо, чтобы возразить... или спросить. Но вовремя останавливается. Только смотрит на меня умоляюще.

— Ты слишком долго думала: соглашаться или нет. Целых двенадцать секунд. По одному удару за каждую секунду.

Всхлип. Она мотает головой, не соглашаясь со мной. Но возражать не смеет. Хорошая девочка.

— Как тебя зовут?

В ее глазах удивление.

— Алена, — с запинкой отвечает моя игрушка.

— Отлично. Это будет твоё стоп-слово. Свое имя ты не забудешь. Если захочешь все прекратить — скажи свое имя. И сразу уйдешь домой. Поняла?

— Да, — шепчет она, и тут же, спохватившись, добавляет, — господин.

Усмехаюсь. Моя умница. Моя сладкая, карамельная Алена. Аленка. Аленушка...

— А теперь считай. Перестанешь считать или собьешься — начну сначала.

Всхлип. Ты же сама пришла, детка. Мне нужно знать, как ты терпишь боль.

Взмахиваю плеткой и обрушиваю первый удар на ее лоснящуюся от масла попку. Она вскрикивает и забывает, что надо считать.

— Ну!

— Один! — это скорее рыдание.

Замираю от восторга. Кожа разогрета, смягчена маслом, и след на ней проявляется не сразу. Но это так красиво...

Второй я кладу рядом, почти параллельно.

— Два! — выкрикивает моя игрушка уже громче. Поняла, что с криками легче переносить боль. В следующий раз я прикажу умолять о каждом новом ударе.

Ее милой округлой попе достается шесть ударов. Ровно половина. Откладываю плеть, беру в ладони ее лицо, внимательно всматриваюсь в глаза. Признаков болевого шока нет.

— Не хочешь сказать стоп-слово? Это только половина.

Упрямо сжимает зубы и мотает головой.

Как же мне нравится эта девчонка! Боже, если ты есть, спасибо за такой подарок!

Еще шесть ударов раскрашивают графичными полосами ее бедра и живот.

— Двенадцать, — она уже плачет почти навзрыд. Черт, я не люблю слез!

— Ну все, все... умница...

Целую ее в губы, нежно, сладко. Мягкие, соленые. Она отвечает, раскрывается, впускает мой язык.

— Ничего не хочешь сказать?

Лукаво смотрю ей в глаза. Догадается?

Вижу, как боль постепенно растворяется, уходит, высыхают слезы. Непонимание, раздумье. Искорками вспыхивает догадка.

— Спасибо, господин.

Опять награждаю ее поцелуем. Ее очень приятно целовать. Сладкая карамель «Аленка».

Чем же закончить сессию? Хочется чего-то необычного. Чтобы она запомнила. И захотела вернуться. Ага! У меня же есть тот воск, что привез в прошлом году из Амстердама. С запахом ванили. На коже он превращается в масло. Еще ни на ком не пробовал, но Стефан — продавец тематического магазинчика, утверждал, что это нечто особенное. Или...

Нет. Вижу в ее глазах — она уже моя. Она отдала контроль. Приняла мой топ. И захочет вернуться. Только глупые новички выкладывают на пробной сессии все фишки сразу, мечтают ввести нижнюю в сабспейс. Нам некуда спешить, сладкая моя.

Освобождаю ее руки, снимаю наручи, осматриваю запястья. Осторожно разминаю. Она робко улыбается и смотрит на меня. Восхищенно, благоговейно. Э, нет, детка. Мне не нужно от тебя обожание. Только покорность.

— На колени.

Улыбка гаснет. Она вздрагивает от грубости приказа. Но повинуетя без раздумий. Подношу руку с зажатой в ней плетью к ее губам. Момент истины. Да или нет?

И раз... и два...

Целует истово, искренне, как икону.

Мое гипертрофированное ненасытное эго торжествует.

Моя. Моя игрушка. Моя собственность.

Глава 1. Бракованная игрушка

Сегодня московские пробки не показались мне такими унылыми. Память подсовывала соблазнительные картинки с моей новой игрушкой в разных позах. Ее растерянные глаза, почти черные, зрачки расширились, видимо она была близка к сабспейсу. Полные губы, такие мягкие. На ее милом лице читалось недоумение и досада, когда я швырнул перед ней на пол оба ключа — от шкафа и от игровой, карточку со своим имейлом, приказал одеться, навести порядок, сдать ключи портье и идти домой. Она явно ожидала другого финала. Люблю удивлять свои игрушки.

Еще раз спасибо, Господи, если ты есть. Давно у меня не было такого резонанса с нижней.

В последний раз, наверное, с той рыжей. Как ее звали? Вик, кажется. Точно. Виктория. У нее была потрясающая отзывчивость. Но через три месяца все стало каким-то пресным. Обыденным. Даже наказывать ее стало неинтересно. Помню, я предложил ей сессию втроем. И тут же она разорвала договор. Я не удивился, ждал этого, передача другим топам была ее хард лимит. Интересно, как она сейчас? Сколько времени прошло? Года три? Да, наверное. Ваньке было тогда четыре. А в этом году, вот в школу уже пошел.

Телефон выдал рингтон «Миссия невыполнима». Бывшая. Только подумал о сыне. Включил громкую связь.

— Слушаю.

— Игорь, прости что поздно. Только вернулась домой.

Полдвенадцатого ночи. Где же ты шлялась, дорогая? Тьфу ты, какая мне разница. Привычка топа. Контроль, контроль, всегда и во всем, даже над теми, кто тебе уже не принадлежит. Мы в разводе уже больше пяти лет. Поженились в молодости по залету. Но быстро поняли — не можем выносить друг друга рядом. Хотя сына я никогда не бросал. Ванька — моя копия. Конечно, Лариса с ним не справляется.

— Какие у тебя планы на следующей неделе? В городе будешь?

— Буду. А что?

— Ванька. Подрался в школе. С третьеклассником. Разбил ему губу. В школу вызывают. Я схожу, конечно, но боюсь, Алевтина Петровна потребует тебя.

— Когда нужно сходить?

— Я уточню и перезвоню. Думаю, что до четверга или пятницы потерпит.

Черт, только не пятница. Пятница — мой день. День для игр. Лариса ничего не знает. Думаю, что если бы узнала — я бы больше не увидел сына.

— В пятницу не могу. Встречаюсь с друзьями. Четверг.

— Хорошо, четверг. Спасибо.

— Не за что.

Лариса хорошая мать. Но ей всего тридцать и надо устраивать личную жизнь. А Ванька, он молодец. Самостоятельный мужичок. Ишь ты, третьеклассника побил.

Улыбнулся мыслям о сыне, почувствовал, как потеплело в груди, где-то в области сердца.

Нажал отбой и снова вернулся мыслями к своей карамельной игрушке. Девчонка и правда была хороша. Хотя чувствовался недостаток опыта. Я бы даже сказал — его полное

отсутствии. Она пыталась выглядеть опытной, но реакции тела выдавали с головой. Похоже, начиталась тематических форумов и решила попробовать. Клуб «Розы и шипы» регулярно дает объявления о том, что в нем можно найти партнера и гарантируется безопасность и анонимность. Правда, туда так просто не пускают. Нужно получить рекомендации от действительного члена клуба, анкеты претендентов проверяются службой безопасности. Можно попробовать узнать, кто ее рекомендовал... Хотя если я решу продолжать, то и так узнаю о ней все: от размера белья, до группы крови и проблем со здоровьем.

Я продолжал размышлять над своими ощущениями от сессии с этой девочкой. Все было идеально... даже слишком. Если бы не видел ее впервые — подумал бы, что она специально готовилась к роли моей нижней. И еще не оставляло тревожное чувство — она была слишком юной. Сколько ей? Восемнадцать, девятнадцать? В последние годы Тема очень помолодела. Сказывается влияние околотематической беллетристики. На моем форуме в интернете «Пэйн Арт», где я уже три года — бессменный админ, стебались над подобными опусами. Хотя веселого в общем-то мало. Клубы все больше наводнялись глупыми восторженными девицами, ищущими острых ощущений и, конечно же, неземной любви. И впадающими в истерику после первого шлепка. Опять всплыли в памяти наполненные слезами глаза моей сладкой игрушки... Из таких же? Но истерики она не устроила. Отреагировала правильно. Эмоциональность — это хорошо. С «толстокожими» безумно скучно, а балансировать на самой грани возбуждает. Все-таки нужно о ней разузнать побольше.

Я никогда не доверял той информации, которую давали мои будущие нижние сами. Подключал свои контакты, проверял. Мне не нужны проблемы. Прежде всего, из-за Ваньки. Один неверный шаг, огласка и все. Лариса не доверит больше сына извращенцу. Ведь из-за моей склонности к доминированию мы и разошлись. Ей хотелось ванили, мне совсем других ощущений. А жить вдаль от сына, не видеть, как он растет и взрослеет — это для меня смерти подобно.

Поэтому к тому времени, как я подписывал договор, у меня почти всегда было досье на каждую мою «игрушку». Инструкция по применению. Кнопки и клавиши управления.

Завтра позвоню Леночке — администратору клуба. Она когда-то тоже была моей «игрушкой». Это было давно, но пиетет остался. Не сможет мне отказать.

Но все это завтра. Усталость мягко, но настойчиво давила на плечи, хотелось добраться до постели и уснуть.

Завтра, а точнее уже сегодня — суббота. С утра тренажерный зал, потом в магазин за продуктами. В воскресенье придет Оксана, моя домработница, приготовит мне еды на неделю. Надо попросить ее сделать вареники. Оксана настоящая хохлушка, сдобная, большая, шумная. Но аккуратна и хорошо стряпает. И, что особенно ценно, не проявляет ко мне охотничьего интереса. Кажется, я ее пугаю. И это хорошо.

В субботу письмо от моей сладкой игрушки не пришло. Испытал легкое разочарование, отчего-то смешанное с облегчением. Смутные предчувствия, неприятные, как крошки в постели, не оставляли меня. Хотя предчувствиям я никогда не доверял.

Воскресенье — день Ваньки. Не люблю пошлое прозвище «воскресный папа», но по сути так оно и есть. В этот раз у нас был Дарвиновский музей, поход в кино на «Железного Человека — 3», пиццерия. На мои попытки поговорить на тему драки в школе, сын набычился, но быстро понял, что я не собираюсь читать нотации, и вскоре с гордостью описал в красках, как трусливо сбежал его противник с поля боя, всхлипывая и утирая нос, и

как последний ябеда донес на него своей классной. Причина драки тоже оказалась уважительной и героической. Ванька заступился за одноклассницу, у которой десятилетний жлоб отобрал яблоко.

Пока вечером вез уставшего сына домой, тот уснул. Не проснулся даже, когда я осторожно вытащил его из машины и на руках понес на шестой этаж, в когда-то нашу стандартную двушку на Чертановской.

От Чертаново до Новых Черемушек, где я два года назад купил себе квартиру-студию в новостройке, без учета пробок — около сорока минут. Любимый город как всегда внес свои коррективы, и у меня было полтора часа на размышления — будет на моей почте письмо от «карамельки Аленка» или нет. Как правило, после пробных сессий и оставленной карточки письмо от будущей игрушки приходило если не на следующий, то через день. Всего однажды не пришло вовсе. Это было неприятно. Но не смертельно.

Если быть честным с самим собой — я хотел этого письма.

Открывал почту, чувствуя непривычное волнение. Да что в ней такого, в этой девчонке?

Письмо было. Но пустое. Не списка ограничений, ни информации. Ничего.

Игрушка решила сама поиграть со мной? Набить себе цену? С досадой захлопнул ноутбук.

Есть золотое правило доминирования. О котором часто забывают сабы. Нельзя позволять боттому манипулировать топом! Так что, милая, ты просчиталась. По твоим правилам я играть не буду.

Снова зашел в почту, поставил галочку напротив письма и навел курсор на кнопку удалить. Но в последний момент передумал. Бедный ноутбук захлопнулся с характерным стуком. Будто кому-то дали под челюсть.

Рутина новой рабочей недели засосала меня как зыбучие пески. Давно выработал привычку — выкидывать из головы мысли о развлечениях. Не то чтобы я был трудоголиком. Но крутить в голове картинки со связанными голыми девчонками в разгар переговоров с инвестором глупо и неудобно. Последствия опять же...

Знаю, что все девушки в офисе моложе тридцати пяти — от секретарши гендиректора Снежаны, красотки и пустышки, до умной стервы Ланской — начальницы отдела маркетинга, считают меня заносчивым гордецом. Я не говорю им комплиментов, не заигрываю, чаще всего и вовсе не замечаю. Они для меня винтики в механизме успешного бизнеса. Я беру от людей только то, что мне нужно в данный момент. Не более и не менее. Женские чары на работе мне не нужны.

Но чувство досады в этот раз не давало мне покоя, мешало сосредоточиться. Какой-то зуд, как от укуса москита. Вечером в среду снова открыл почту. Долго сидел, рассматривая короткую строчку электронного адреса. А потом пустился в сталкерские изыскания.

Итогом трехчасового рыскания по просторам всемирной паутины стали хоть и скудные, но довольно интересные факты. Строптивная игрушка была зарегистрирована на моем сайте, под ником «Свити», и в основном тусовалась в тех темах, которые активно посещал я. Профилей в соцсетях не обнаружилось. Осторожная девочка. Этот же электронный адрес был использован при регистрации в клубе «Розы и шипы». Если верить анкете, ей было двадцать. А рекомендаций не было. В графе «Поручитель» стояла фамилия Латов. Ого! Хозяин клуба. Этого и еще пяти или шести подобных. Становится все интереснее. Нужно позвонить Леночке.

Почти до утра я просидел, бессмысленно щелкая мышкой. А потом, вдруг поддался

порыву и отправил письмо из пяти слов: «Пятница. Восемь вечера. Клуб».

В четверг утром позвонила Лариса, подтвердила, что классный руководитель Ваньки ждет меня сегодня в три. Набрал по внутренней связи гендиректора Артемова, сказал, что сегодня нужно уйти пораньше. Палыч не возражал.

Без пятнадцати три я припарковал машину на стоянке возле школы. Поздоровался с охранником, прошел через ухоженный школьный дворик с большой круглой клумбой посередине. Во двор уже высыпали дети — и старшеклассники, и помладше. Сразу же разглядел Ваньку — тот сидел на лавочке, удрученный предстоящей беседой с классной и болтал ногой.

— Привет, сын.

Ванька посмотрел на меня серьезно, даже сурово. Вдохнул, протянул руку.

— Пошли, что ли. Классная ждет.

— Ругаться будет?

— Будет. Бабушка этого Злобина так орала, так орала. И всего-то губу разбил. Неженка.

А еще третьеклассник.

— Сын, девочка хоть стоящая?

Ванька поглядел на меня подозрительно, проверяя, издеваюсь или нет. Потом улыбнулся:

— Нормальная. Светка Кашина. Не ябеда, не нюня. Свой человек.

— Своих в обиду давать нельзя.

Сын шмыгнул носом и благодарно сжал мою руку.

Разговор с классной дамой Ваньки — тихой и спокойной женщиной за сорок, в роговых очках и некрашеными с проседью волосами, стянутыми в тугий пучок, состоялся короткий. Особых претензий к сыну Алевтина Петровна не имела. Просто попросила меня объяснить сыну, что руки распускать — последний аргумент в споре.

Мы попрощались и, сжав теплую ладошку повеселевшего Ваньки, я вышел с ним на школьный двор.

Дошли почти до середины, миновали клумбу, где возились уже несколько ребят, видимо отработывающих какие-то косяки под руководством учительницы, полненькой, кругленькой и с смешной панамке. Я слушал Ванькин сбивчивый рассказ о новой онлайн-игре и его успехах в уничтожении темных эльфов. Стайка из пяти старшеклассниц весело щебетала, окружив парня на сверкающем новеньком скутере. Мое внимание привлекла одна из девчонок, что стояла чуть поодаль и не принимала участия во всеобщем заигрывании с владельцем скутера. Что-то в ней показалось мне знакомым...

Девочка словно ощутила мой взгляд, и повернула голову. Полные розовые губы приоткрылись, темные, почти черные глаза расширились, узнавая. Волосы собраны в два смешных хвостика. Я помню их рассыпанными по плечам, длинные, шелковистые. Как приятно было их сжимать в кулаке! Юбка, чуть короче, чем предписывал школьный этикет, под короткой яркой курткой — форменный пиджак с эмблемой школы. Тонкие пальцы разжались, рюкзак брякнулся на асфальт. Она нагнулась за ним, пиджак и куртка задрались, и на поясице я успел разглядеть едва заметную красноватую полоску... След от моей плети.

Ругательство едва не сорвалось с языка. Нет! Этого не может быть. Как это возможно?! Моя игрушка... школьница... Я извращенец... грязный извращенец... Но как?! Как я мог не понять... не заметить... Идиот! Заносчивый, самоуверенный придурок! Как она попала в клуб?

Ванька тянул меня за руку, не понимая, почему отец остановился как вкопанный и не может отвести взгляда от какой-то там девчонки, пусть и старшеклассницы.

Наконец, сделал над собой усилие, отвернулся и быстрым шагом пошел к машине.

— Пап, ты чего?

Смотрел в синие, серьезные, встревоженные глаза Ваньки, а видел расширившиеся от боли зрачки, в других, темных, наполненных слезами.

— Все хорошо, сын. Поехали домой.

Этим вечером я напился. В стельку. Как не напивался уже давно. Опустошил все свои запасы. Но даже в одурманенном алкоголем мозгу не переставали крутиться картинки: исхлестанное плетью девичье тело, и ее глаза... Беспомощные, широко открытые. И эти детские хвостики. Если бы мог — вскрыл себе череп и налил туда кислоты. Вытравить это все, раз и навсегда. Но не выйдет. С этими воспоминаниями теперь жить. Да еще как-то разруливать ситуацию.

Утром было жесточайшее похмелье, усугубленное отвращением к самому себе. Включил телевизор. Как назло диктор бодро вещал о том, что очередной педофил предстал перед законом и получит по заслугам.

С Палычем мы столкнулись в лифте, он посмотрел на меня изумленно.

— Игорь? С чего это ты? Дотерпеть одного дня не мог. Или был повод?

— Был, — еле выдавил я.

— Расскажешь?

Только помотал головой.

— Ну как знаешь. Слушай, а давай-ка ты домой. Все равно в таком состоянии от тебя толку... Ну сам знаешь как от кого. Давай, давай, не спорь.

Собственно, я и не собирался.

Сто тысяч лет не ездил в метро. Люди косились на меня: кто безразлично, кто осуждающе, кто брезгливо, кто сочувственно. Мне казалось — они все знают. И вынесли уже свой приговор.

Добрался до дома, чувствуя себя так, будто меня уже раз десять расстреляли, колесовали и повесили.

Встал по ледяной душ... Очень хотелось, чтобы кто-нибудь дал мне в морду. Самому себя лупить по щекам, как истеричная девица, было глупо.

Упал на постель, постукивая зубами от холода, но специально не стал укрываться. Тупо уставился в потолок. Рассматривал матовую белую поверхность и думал, думал, думал...

Сделанного не вернешь. Хорошо, что еще была всего одна сессия. Да я ее трахал. Но она явно не была девственницей. Порол плетью. Но откуда мне было знать? Она выглядела на все двадцать. К тому же, несовершеннолеток не пускают в клуб. Я был уверен в этом. Если бы знал, никогда бы... Если бы, да кабы... во рту росли... Дьявол! Опять нахлынули воспоминания, как я вбивался в ее горло, а она всхлипывала и кашляла...

Замутило...

Часы неминуемо ползли к восьми. Было нужно объяснить этой малолетке, что ни о каком продолжении не может быть и речи. Тем более что я, как полный дурак, сам назначил встречу. Придется ехать в клуб.

В первый раз я опоздал. На целых десять минут. В крови еще гуляли остатки алкоголя, рисковать правами не хотелось. А опыта перемещения по городу на общественном транспорте у меня почти не было.

На фейс-контроле стоял Макс. Его простоватое, широкое лицо расплылось в улыбке. Толкнул двери, быстро прошел через холл в зал.

Полумрак все также резали острые лучи прожекторов, грохотал клубняк, толпа пила, дергалась на танцполе, в клетках извивались почти голые девочки гоу-гоу. Сделал несколько шагов и тут же увидел ее.

Она сидела на том же барном стуле. Поблескивала молниями черная кожаная юбка, тоненькая талия была утянута корсетом, из него вызывающе выпирала грудь. Волосы собраны в хвост, ярко и вульгарно покрашены губы. Захотелось выругаться и залепить ей пощечину. Она выглядела как в дешевом порно. Дура. Малолетняя дура.

Увидела меня, улыбнулась. Закусила нижнюю губу, а потом провела по ней кончиком языка. Еще вчера я бы завелся. Но теперь это выглядело так пошло...

Подошел ближе, и тут она погладила ладонью ширинку моих брюк:

— Господин готов трахнуть свою малышку?

Эта похабщина из уст малолетки взорвала мне мозг. Буквально сорвал ее со стула и поволок за собой. Она тихо ойкнула, но не произнесла ни слова. Втолкнул ее в мужской туалет, закрыл за собой дверь на замок. Девочка смотрела на меня испуганными глазами... Что, не ожидала такого поворота? Я видел, как ее колотит, губы дрожали, коленки подгибались.

Схватил ее грубо за собранные в хвост волосы, нагнул над раковиной. Открыл кран, зачерпнул ледяной воды и умыл ее. Она захлебнулась, закашлялась, но я снова набрал воды.

Потом, продолжая удерживать ее над раковиной, закрыл кран и потянул молнию на юбке. Девочка замерла. Нет, детка, это не то, что ты думаешь.

Маленькая дрянь...опять без трусиков! На округлой попке все еще были едва заметны полоски от плети. Это ерунда. После сегодняшней порки ты не сможешь сесть неделю.

Сильно, резко, с оттягом шлепнул ее ладонью, а другой — зажал рот, подавив крик.

— Кто тебя надоумил? Как ты попала в приват-клуб? По чужому паспорту?

Вопросы перемежались со звонкими шлепками и ее сдавленными вскриками. Ответов я не ждал. Разговаривать с ней совершенно не хотелось. Кожа на попе расцвела алым, потом потемнела, стала синюшной. Моя ладонь уже болела, но я не мог остановиться. Она уже не кричала, лишь вздрагивала всем телом от каждого удара.

Я закончил, только когда устал.

Отпустил ее, отошел в сторону, тяжело дыша.

Она продолжала стоять над раковиной, не решаясь разогнуться. Дрожала и всхлипывала. Голая попка цвела сине-багровым. А по нежной коже между бедер стекали капельки влаги... Ощутил как дернулась в штанах эрекция... Выругался.

— Встань.

Она не без труда разогнулась.

— Повернись.

Глаза опущены, губы дрожат, нос покраснел от слез и холодной воды, на щеках черные потеки.

Вынул платок из кармана, подошел, вытер ей лицо. А она вдруг поймала мою руку губами, как тогда, в первый раз, и упала на колени. Прямо на кафельный пол.

— Господин, простите...

Шепот попеременно с рыданиями

Резко вырвал свою руку и оттолкнул ее. Она отлетела и едва не ударилась о раковину. Я

снова выругался... Надо умерить свой гнев.

— Я тебе не господин. Ты не можешь тут находиться. Сейчас ты встанешь и уйдешь. И забудешь обо мне и этом клубе. Поняла?

Я был совершенно уверен. Она не посмеет послушаться. Но произошло невероятное.

Девочка медленно поднялась на ноги. Застегнула юбку. И вдруг произнесла, внятно и твердо:

— Нет.

Я не поверил своим ушам.

— Ты что-то сказала?

Она посмотрела на меня. Прямо, в упор.

— Нет.

Мне стало и смешно и жутко.

— Да как ты смеешь...

Она стиснула зубы и сжала кулачки. Храбрая маленькая дрянь.

— Сами сказали... Вы мне не господин. Я сама решаю...

— Ты решаешь? — ярость захлестнула меня, едва не сдержался, чтобы не залепить ей пощечину. — Что ты можешь решать! Пошла вон, чтобы я тебя больше не видел!

Она дернулась, как от удара. Съежилась. Жалкая... Мне стало стыдно.

— Я заявлю в полицию. Об изнасиловании несовершеннолетней.

Опять не поверил... Она правда это произнесла?!

Больше сдерживать свою ярость я не смог.

— Шантаж?! Маленькая шлюха...

Мои пальцы сжались на ее тонкой шейке... она захрипела...

И тут же меня словно окатило ледяной водой. Идиот... что я делаю?!

Отдернул руки. Она тихо сползла на пол.

Спокойно... Только спокойно... Все можно как-то решить.

Снял с себя пиджак. Надел ей на плечи. Поднял с пола. Прижал к себе.

— Пойдем. Поговорим спокойно.

Мы второй час сидели в крошечном кафе на другой стороне улицы. Перед ней стояла чашка с крепким чаем. Она не пила, только грела пальцы, обхватив теплый фарфор. Почти успокоилась. Изредка ерзала на отшлепанной попе, тихо шипела от боли и зыркала на меня как сердитый зверек. Упрямая, глупая девчонка. Разговор не клеился.

— Как тебе такое в голову пришло?

— Вы... ты не должен был узнать... Я все продумала.

— Продумала... Чем? Куриным мозгом?

Опять злобно зыркнула. Хлюпнула носом.

— Все не так...

— Конечно не так! Этого вообще всего быть не должно. Что тебе от меня нужно?

Посмотрела жалобно.

— Неужели не понятно...

— Не дерзи, мне, девчонка!

Вздрогнули плечики, голова опустилась.

— Хочу... быть твоей... вашей... ну пожалуйста!

Снова ужасно захотелось ее выпороть. Или залепить пощечину.

— Какой моей!? Детка, ты несовершеннолетняя! Я что, похож на извращенца?!

— Нам было хорошо... вы... ты... хотел меня...

— Я не знал. Теперь знаю. Это все меняет. В корне. Это невозможно. Пойми же ты, дурочка!

— Не понимаю... Я же почувствовала.

— Что ты, блин, почувствовала?

— Я понравилась. Тебе... Ой. Вам. Понравилась.

Я беззвучно простонал. Это тупик. Выхода нет. А ведь эта дура пойдет и правда заявит на меня в полицию! И тогда все. От этой мысли заболело в груди. Мозг лихорадочно искал выход, просчитывая все возможные исходы. Все были крахом. Полным и безоговорочным.

— Ты не отступишься? — устало спросил я.

Она упрямо помотала головой и поджала губы.

— Ответь мне честно. Как ты попала в клуб?

— По паспорту подруги. Ей двадцать.

— А тебе? Шестнадцать?

— Семнадцать. Будет через месяц.

О, мой Бог...

— А регистрация в клубе? Как за тебя мог поручиться Латов?

Она помолчала, кусая губы. А потом вдруг выдала такое... Показалось что мне дали под дых.

— Он мой отец. Я... сама внесла себя в список.

Только этого не хватало. Дочь владельца клуба. Я понимал, что попал. Но что попал так серьезно?!

— Ты, правда, пойдешь в полицию? И не боишься того, что с тобой сделает папочка?

Моя порка покажется лаской...

По ее посеревшему лицу понял — боится. Забрехала робкая надежда.

Достал свой мобильник. Будем брать тебя на слабо, детка.

— Может позвонить ему? Прямо сейчас.

— А и ему скажу, что ты взял меня силой! — зло выкрикнула она.

— Ну да. И зарегистрировал в клубе. И протащил по чужому паспорту...

Задумалась. Опять хлопнула носом.

— Все равно тебе... вам будет хуже, чем мне...

Да, тут ты права, детка. В случае огласки мне будет гораздо хуже. Настолько хуже, что тебе и не снилось. Неужели я проиграл? Взрослый мужик, тематик, сдался сопливой малолетке... Только бы проснуться от этого страшного сна...

— Чего ты хочешь от меня?

Она подняла глаза, в них мелькнула радость.

Глава 3. Детский сад лайтового режима

Наши переговоры закончились компромиссным решением. Она получала статус моей нижней. На два месяца. Потом — забываем о существовании друг друга. Если конечно, она раньше не использует стоп-слово. А она его использует. Я ей это обеспечу. На обдумывание своих хард лимитов я дал ей неделю. Но предупредил, что оставляю за собой право нарушать их, если посчитаю нужным. Она чуть не подавилась остывшим чаем. Уже открыла рот, чтобы психануть. Но быстро поняла, что это ее единственный шанс. Смириться.

Итак, на месяц мои развлечения превращались в воспитание строптивой и сопливой девчонки. Вместо тематика я стал воспитателем в детском саду. С расширенными полномочиями.

Естественно о моей приват-комнате в клубе никакой речи и быть не могло. Мой сайт сослужил хорошую службу, через форумчан удалось заполучить студию для сессий почти бесплатно. Ее хозяин уезжал на отдых. И мне, как админу любимого ресурса, сделал приличную скидку на аренду.

В следующую пятницу она явилась, как и было предписано мной, скромно одетой и ненакрашенной. С двумя листочками печатного текста. Список жестких ограничений.

Прочитал его, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— Долго печатала?

Она посмотрела на меня обиженно.

— А что?

— А то, что девяносто процентов того, что здесь написано ты просто прогуглила. Так? Надула губы, опять закусила губу. Откуда она взяла эту привычку?

— Раздевайся. Белье можешь оставить. Ты же надела белье?

— Да, — с досадой бросила она, и тут же получила легкий шлепок по щеке.

— Да, кто?

— Да, господин, — ответила моя бракованная игрушка уже с большим почтением.

Сняла кроссовки, стянула носки, расстегнула джинсы. Я отвернулся к стеллажу с девайсами для порки, выбирая орудие воспитания на сегодня. Пожалуй... лопатка. Больно и почти не оставляет следов. И такой пугающий звук. То, что надо.

Взял девайс, взмахнул, примериваясь. Не поворачиваясь к ней, приказал:

— На скамью. Лицом вниз.

Шумный разочарованный выдох. А что ты ждала детка, множественных оргазмов?

Зафиксировал ее на скамье, спустил трусики. Молодец, простые белые хлопковые. Никакой эротики. Я дал себе слово — как можно меньше секса...

— Повтори стоп-слово.

— Алена.

Запнулась. Боится. Хорошо.

— Пятнадцать ударов. Считай. Проси о каждом следующем. Можешь кричать, но не громко.

Перед тем как начать «избиение младенца» присмотрелся к коже на ее кругленькой попе. Синевато-желтоватый оттенок напоминал о предыдущей порке. Точно не выполняла моих указаний насчет мази от синяков!

— Ты мазала попу? Только не ври!

— Да... — по неуверенности в ее голосе сразу понял, это не правда.

Легонько шлепнул ее.

— Неправда!

Девчонка зашипела от боли. Так, отлично! Порка отменяется. Я не садист.

Отложил лопатку, достал из сумки охлаждающий крем. Вот точно, детский сад! Еще осталось подгузники ей менять.

Наказать ее за дерзость и проявленное неуважение было нужно. Но кто сказал, что наказанием может быть только боль? Подчеркнуто медленно обошел вокруг скамьи. Снова взял в руки лопатку, несколько раз взмахнул ею в воздухе, так чтобы она видела. Дрогнули губы, скривились. Сейчас заплачет. Ненавижу слезы!

— Как ты думаешь, зачем я приказал тебе использовать мазь?

Тихий всхлип.

— Не реви! Мне не нравится красный распухший нос. Отвечай, зачем?

— Чтобы не было синяков...

— Мне плевать на твои синяки!

Ну не совсем, конечно. Нам не нужно, чтобы папочка заинтересовался, откуда у дочки сине-багровая красотень.

— Затем, чтобы я мог делать с твоей попой все, что мне заблагорассудится! А теперь я не могу. Ты понимаешь?

— Да...

— Опять забываешься!

Лопатка с мягким, но смачным шлепком приземлилась на ее задницу.

Девчонка истошно завизжала.

— Господин! Больно... как больно...

Да, все хуже, чем я предполагал.

Выдавил немного охлаждающего крема на ладонь. Подумал, добавил троксевазина. Начал мягко растирать ей кожу.

— Расслабься.

Всхлипнула. Но послушалась. Почувствовал, как уходит напряжение из мышц. Через пять минут она уже почти перестала шипеть, прикрыла глаза. Кожа выглядела гораздо лучше — синевато-желтый оттенок уходил, сменяясь розовым.

Что же мне делать с тобой дальше? Оглядел студию. На стене рядом со стойкой для девайсов висел большой моток веревки. То, что нужно! Давно хотел попрактиковаться в шибари.

Натянул трусики, освободил девчонку.

— Встань.

Она поднялась, исподлобья посматривая на меня.

Снял со стены веревку подошел к ней. Несколько минут разглядывал, придумывая, каким образом ее связать. Девочка уже почти не отрывала от меня взгляда. Точнее даже не от меня. От веревки в моих руках. Я пристально посмотрел в ее расширившиеся от страха глаза.

— Связывания нет в твоих хард лимит, не так ли?

Она помотала головой и нервно сглотнула.

— Можешь назвать свое имя и уйти. Или довериться своему топу. Решай.

Она опустила голову. Молчание.

И раз... и два... и три... и четыре...

Ну говори уже! И этот детский сад закончится...

А она вдруг сползла к моим ногам, прижалась лицом к коленям:

— Простите меня, господин... все, что пожелаете...

Дьявол... Ладно, шибари занятная практика, требующая сосредоточенности и внутренней гармонии. Практически йога.

Еще раз оглядел студию. Вот, то что нужно. Высокий стол, похожий на массажный, почти мне по пояс, обтянутый дермантином.

Поднял девчонку с колен, посмотрел ей в глаза. Страх осел на самое дно, затаился. Она мне не доверяла. Не приняла окончательно топ, не отдала контроля. Думала, анализировала, просчитывала варианты. Я знал прекрасно, как помочь ей забыть страх, отдать полностью себя в мои руки...

Но хотел ли я этого? Каждый раз, начиная новые отношения, я стремился к тому, чтобы нижняя приняла мою власть, впустила меня, растворила свою волю в моих желаниях. Замкнуть ее на себе, перестроить ее мир, стать его центром. Но впервые не это было моей целью. Слишком неправильной была моя игрушка. Слишком хрупкой и ранимой...

Мне тоже вдруг стало страшно. Впервые я осознал весь груз ответственности, что лежит на доминанте. Я никогда не задумывался о том, что происходит с моими игрушками вне сессий. Чем они живут, о чем думают, как существуют. А эта девчонка... такая юная, такая неискушенная. Я легко могу сломать ее. Заставить ползать у ног, вымаливать ласку или боль. Она очень отзывчивая. После первого же спейса подсядет на него как на наркоту...

— Одевайся! На сегодня все.

Ее глаза стали огромными от удивления. Непонимание, обида... Упрямо поджала губы. Открыла уже рот, чтобы сказать какую-нибудь дерзость. Переступила с ноги на ногу, и боль в заднице напомнила ей о последствиях.

— Господин... не прогоняйте... я хочу...

Шлепнул ее по щеке.

— Твое «хочу» осталось за дверью этой комнаты. Здесь могу хотеть только я. Только мои желания имеют значение. Ты выбрала сама. И никогда не поздно уйти. Только назови свое имя.

Надула губы, опустила голову. Обиженное пыхтение. Зыркнула на меня, опять открыла рот... Передумала. Поплелась к пуфику, где сложила одежду.

Я стоял, сложив руки на груди и смотрел как она неловко натягивает джинсы, футболку, надевает носки... И вдруг испытал какое-то новое для меня чувство... Жалость? Я пожалел свою игрушку?! Да что ж такое...

— Сядь.

Осторожно присела на пуфик. Тихонько охнула. Я взял стул и поставил рядом с ней.

Выдержал паузу. Девчонка не смела посмотреть на меня, но продолжала обиженно пыхтеть.

Поднял ее лицо под подбородок.

— У тебя были мужчины до меня?

Задохнулась. Уставилась на меня огромными глазищами.

— Отвечай!

Вздоргнула. Моргнула.

— Нет...

Святой Боже...

— То есть да... но не мужчины... мальчишки.

Выдохнул с облегчением.

— Расскажи.

Помялась, подбирая слова. Начала несмело и хрипло:

— В лагере. В Испании. Мне было пятнадцать. Ему семнадцать. Две недели. Потом разъехались по домам. Он даже мне не писал.

— И все?

— Нет... еще одноклассник. После вечеринки у него дома. Один раз.

Вот почему она такая узкая... У нее по сути не было никаких отношений. Не было ванили. Ей даже не с чем сравнить.

— Откуда такая тяга к Теме? Кто тебя надоумил?

— Подружка... у нее есть верх... уже год. Я еще много читала...

Опустила голову.

Вот. Корень зла. Чертовы американские домохозяйки с садо-мазо фантазиями.

Опять сжал ее подбородок, сильнее, до боли.

— И как? Тебе нравится? Так ты себе представляла?

Закрыла глаза.

— Смотри на меня! Отвечай!

Приказы хлестали ее по щекам, видно как она вздрагивает от их грубости.

— Не так...

В уголках огромных черных глаз дрожат слезы. Зрачки расширились... Она очень чувствительная. Ее можно столкнуть в спейс одним моральным прессингом. Подарок, а не нижняя. Но для нее... У нее не будет шанса вернуться к ванили. Не будет выбора.

Ох, как же я ненавижу читать нотации...

— Слушай меня внимательно. У тебя нет никакого опыта. Ни ванильного, ни тематического. Ты слишком чувствительная и отзывчивая.

— Это плохо? — ее голос дрожит.

— Было бы хорошо, если бы тебе не было всего шестнадцать.

— Мне семнадцать!

— Да какая разница. Я сломаю тебя. Раз и навсегда. Возврата не будет. Понимаешь? Подсядешь на сабспейс и все. Как наркоманка. Я не хочу такой ответственности. Уходи. И подумай крепко над тем, что я сказал. Это все блажь. Пройдет.

Отпустил ее. Она сидела, как замороженная, не смея отвести взгляда. Черт, черт, черт... Я чувствовал, в ней происходит слом... Инаугурация верхнего... Противоположное тому, чего я добивался.

Резко встал, разрывая наш зрительный контакт. Отвернулся от нее.

— Уходи. Если решишь правильно, просто пришли письмо на мой и-мейл.

Письмо, конечно же, не пришло. В следующую пятницу я приехал к дому в Южном Бутово, где была съемная студия, без пятнадцати восемь. Остался ждать в машине. Теплилась надежда, на то, что девчонка не придет, что моя душеспасительная беседа сделала свое дело. Хотя чутьем опытного топа понимал — придет. За что мне это наказание? Впервые за почти пять лет в Теме я был в таком «разобранном» состоянии. Топ без уверенности в своей непогрешимости просто жалок и обречен на провал. А я сейчас уже был

ни в чем не уверен.

Без пяти восемь к подъезду подъехало такси. Ну вот и моя девочка. Моя карамельная Аленка. Несколько раз глубоко вдохнул, попытался успокоить взвинченные нервы. Дождался, пока она войдет в подъезд.

Лифт отщелкал пять этажей и с грохотом открыл двери. Пять шагов и дверь под номером 81.

Она сидела на полу в прихожей. В одном белье. На коленях, руки сложены за спиной, бедра разведены. Глаза в пол. Свое решение девочка продемонстрировала мне четко. Упрямица.

Вздыхнул. Прошел мимо, будто не заметил ее. Оглядел студию, прикидывая с чего начать. Уверенность постепенно возвращалась, правда разбавленная какой-то злостью. То ли на себя, то ли на эту упрямую дурочку. Так, чего ты там боялась, детка? Веревки? Отлично.

— Можешь войти. Сними с себя все и на стол.

Даже не повернулся, слушая, как шлепают по ламинату ее босые ступни. Взял моток веревки и направился к обтянутому дермантином столу.

Она сидела на самом краешке, зажатая, напряженная, как на приеме у врача.

— На колени.

Дернулась, неловко забралась на стол.

— Руки назад. Сведи вместе локти.

Я неспешно начал оплетать ее руки — запястья, локти, предплечья, завязывал узлы, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться своей работой. Шибари мне всегда напоминало йогу. Не зря эту практику выдумали японцы. А они знают толк в созерцании. Получалось красиво. Ровные восьмерки, фигурные узлы. Просунул палец, проверил не туго ли затянуто. Пропустил веревку под грудью, она приподнялась. Вверх, накрест, еще раз под грудью... Вниз, накрест, на талию...

Слушал ее неровное дыхание. Иногда заглядывал в глаза. Она боялась. Но паники пока не было.

— Откинись назад.

Я придержал ее под поясницу и аккуратно уложил на стол.

— Раздвинь ноги. Шире.

Пропустил веревки по промежности, оплел каждую ногу восьмерками, завязал узлы на тонких щиколотках.

— Согни в коленях.

Она раскрылась передо мной, и я почувствовал, как нарастает возбуждение. Это было очень соблазнительное зрелище. Не удержался, легко провел ладонью по теплой, уже чуть влажной плоти. Она едва ощутимо толкнулась в мою руку.

Подтянул ее лодыжки к бедрам, зафиксировал, еще раз пропустил веревки прямо по нежным приоткрывшимся губкам, так чтобы давили на клитор. Через талию, вверх... и завершающий штрих — петля на шее.

— Прогнись.

Приподнял ее под поясницу, заставляя выгнуться дугой. Зафиксировал петлю скользящим узлом.

Теперь тело моей игрушки походило на лук с натянутой тетивой. Когда давление внизу становилось невыносимым, она, пытаясь ослабить его, невольно затягивала петлю на шее, придушивая себя...

Я немного отошел, любуясь своей работой. И услышал хрипение.

Заглянул ей в глаза — у нее была паника... Губы побелели, она ловила ртом воздух и хрипела...

— Тише, тише...

Я ослабил немного узел, но совсем распускать не стал. Мы справимся.

Наклонился к самому ее лицу, пристально посмотрел в глаза, словно гипнотизируя.

— Доверься мне. С тобой ничего плохого не случится. Ты в моей власти, полностью. Отпусти свой страх. Почувствуй ритм.

Положил одну руку на ее гладкий лобок, другой чуть придержал петлю, ослабляя ее.

— Когда тут становится слишком туго, позволь затянуться петле.

Я отпустил веревку, и она стянула тонкую шею. Выждал тридцать секунд... Девочка больше не хрипела, не пыталась сделать судорожные вдохи.

— Теперь дыши, глубоко.

Я натянул веревку вниз, ослабляя петлю. Одновременно скользнул пальцами по выделившейся смазке, между веревками, внутрь. Ох... тепло, мягко, туго... Возбуждение стало сильнее. Нет, сегодня мне будет трудно отказать себе в удовольствии. Медленно начал погружать в нее палец, добавил еще один, третий.

Почувствовал, как она напрягается... Опять затянулась петля...

— Умница...

Ее глаза затуманились. Паника растворялась в поволоке удовольствия. Она поняла, поймала ритм, и теперь с каждым натяжением веревок приближалась к разрядке.

— Можешь попросить.

Шепчу ей прямо в ухо, едва касаясь его губами.

Петля расслабляется, она глубоко вдыхает несколько раз.

— Пожалуйста, господин... пожалуйста...

Она уже очень близко... Мои пальцы погружаются все глубже, резче... Опять затягивается петля на горле... Недостаток кислорода вводит ее в транс... оргазм должен сейчас сорвать ее в первый в жизни сабспейс.

Пальцами чувствую слабые сокращения. Она больше не удержится.

— Давай, малышка... сейчас.

Вскрикнула, закатила глаза... Спейс... Добро пожаловать, детка...

Распутываю ее обмякшее тело, она лежит абсолютно расслабленно, глаза закрыты, дышит тихо и ровно.

— Посмотри на меня.

Тонкие веки вздрагивают. Какие длинные у нее ресницы... Взгляд еще расфокусирован.

— Ты в порядке?

— Да... — губы ее не слушаются, это нормально, сейчас будет небольшой дроп, откат. — Спасибо... спасибо... господин.

— Это сабспейс. Расслабься.

Мягко разминаю ее тело, там, где веревки врезались, оставили красные следы. Она опять закрывает глаза и приоткрывает губы. Очень аппетитно...

Резко переворачиваю ее на живот, заставляю встать на колени. Чувствую, как она мелко дрожит — ее еще накрывает дропом. Но больше я ждать не собираюсь.

Расстегиваю брюки, достаю из кармана презерватив.

Наматываю на кулак ее волосы. Очень приятное ощущение, они шелковистые, мягкие и

тоже пахнут карамелью. Она вся большой чупа-чупс.

Резко вбиваюсь, она подавляет крик. Туго... очень туго. Ничего, малышка. Это временные трудности. И так даже приятнее.

Даю себе волю, освобождение не заставляет себя долго ждать. Хм... Мне показалось, или моя карамелька снова кончила? Без разрешения.

Отхожу от нее, выбросить презерватив. Она все стоит на коленях в той же позе, только легла грудью на стол, видимо руки ее уже не держат. Зато какой вид сзади...

— Слезай.

Она реагирует не сразу. Я знаю, что она очень устала. Но нужно ее наказать за недозволенный оргазм.

Неловко спускает со стола ноги, встает, пошатываясь. Подхожу к ней вплотную:

— На колени.

Падает как подкошенная.

— Ты посмела кончить без разрешения.

Всхлипывает.

— На первый раз я тебя прощу. Загладь свою вину. Позаботься обо мне ртом.

Минутное замешательство.

Кладу ей ладонь на затылок, запускаю пальцы в волосы...

...ну что же детка, два-два. И с тебя на сегодня довольно.

Отталкиваю ее, она неловко шлепается бедром об пол.

— Я закончил с тобой. Можешь принять душ и отправляться домой. И еще. Начнешь принимать противозачаточное. Я не люблю резинок.

Глава 3. Проверено электроникой

Прошел месяц. Четыре сессии с карамельной Аленой. Стоп-слова я от нее так и не добился. Она стойко переносила все, что придумывал для нее. Нет, я не был с ней жесток. Садо-мазо составляющая в Теме не была мне близкой, а боль — ни самоцелью, ни удовольствием. И использовать зажимы любил потому, что ощущения от них вовсе не болезненные, скорее приятные. Никогда не жестил с ними — никаких грузиков, цепочек.

В играх с Аленой мне нравилось преодолевать ее страхи, детский эгоизм. Импульсивность, наивность вначале меня раздражали, но со временем понравились. Выдрессированные до автоматизма нижние, что фанатично смотрят в глаза господину, быстро надоедают. А реакции этой девчонки невозможно было предугадать. Она до потери сознания боялась веревок, пока не получила свой первый спейс в бандаже-шибари. У нее был сильно развит рвотный рефлекс, и ей тяжело было удовлетворять меня ртом. Но она ни разу не пожаловалась. Ненавидела порку, но иногда явно провоцировала меня на наказания. Неумело пыталась мной манипулировать, за что опять же расплачивалась ее попка. Я запретил себе думать о том, что Алена — несовершеннолетняя, хотя все равно пытался сдерживаться, не жестить, не перегибать палку с сексом. Мой внутренний моралист теперь только смотрел на меня из дальнего угла сознания и укоризненно качал головой.

Это была странная связь. Суперлайтовая версия, детсадовский вариант. Никогда еще я не обращался со своими игрушками так бережно. Никогда моя забота не выходила за рамки игровой. Упрямая, нежная, хрупкая девочка задевала какие-то неизвестные мне раньше чувствительные точки в моей душе. Острая жалость, тревога за нее — эти чувства были мне не знакомы раньше. Закрывая дверь приват-комнаты в клубе, я всегда запираю эту часть моей жизни на замок. До следующей пятницы. Теперь же мысли о моей игрушке просачивались в реал, словно нарушилась герметичность. И, конечно же, меня не оставляла тревога. Никогда еще у моей игрушки не было рычагов давления на меня. Никогда я так не боялся огласки. Да и тот факт, что моя игрушка была дочерью Латова, добавлял безумия. Это и раздражало и придавало остроты ощущениям.

Алена оказалась просто на удивление чувствительной. Разбивала в пух и прах теории насчет того, что у женщины способность испытывать множественные оргазмы появляется только с возрастом. Эта девочка уходила в спейс с такой пугающей легкостью, что я старался как можно реже до этого доводить. Совсем не хотелось делать из нее адреналиновую наркоманку. И жестко замыкать на себе тоже.

Если даже она продержится оговоренные два месяца — продолжать я был не намерен ни при каких условиях. Тем более что впереди у Алены были ЕГЭ, институт, новая жизнь. Я же надеялся остаться в старой.

За месяц я ни разу не появился в клубе. Да и форум свой подзабросил, мои друзья и знакомые закидали почту негодующими письмами.

В одном таком письме я нашел приглашение на приват-вечеринку с публичными сессиями в клуб «Шипы и розы». Подписанное господином Латовым. Меня передернуло. Первым желанием было отписаться. Но раньше я не пропускал ни одной такой вечеринки. Окунуться опять в привычный круг, пообщаться с друзьями очень хотелось. Я ответил

согласием и попросил список остальных участников, чтобы договориться об участии в сессиях.

Список вскоре пришел. Нашел несколько знакомых псевдонимов — вечеринка обещала быть горячей и захватывающей. Один Страйк чего стоил. С ним мы были знакомы около шести лет. Он, по сути, стал моим учителем, проводником в мир Темы. Нет, я не называл его мессир и не целовал рук при встрече. Мы были ровесниками и друзьями. Он многое знал обо мне в реале, я многое про него. Мы доверяли друг другу. Страйк практиковал довольно жесткий стиль в доминировании, с длительными отношениями, почти лайф стайлом. Правда, одной нижней никогда не ограничивался. Он принципиально не давал им стоп-слова, объясняя это тем, что «эти дуры все равно его забудут». Любил публичные сессии и всегда предоставлял для них своих «сучек». Обожал порку, ненавидел игры с удушением, выдал даже как-то совершенно потрясную фразу «Лучший скарфинг — это глубокий минет».

Публичные сессии Страйка были хорошо продуманным шоу, жарким, возбуждающим и жестким, а участие в них сплошным удовольствием.

Пока я писал Страйку письмо на имейл, он позвонил мне сам.

Попенял за то, что я забросил тусовку, отпустил пару сальных шуточек насчет моего возвращения к жене и ванили, а после уверений, что я все так же убежденный тематик, прошелся по моей нижней.

— Она такая уродина, что ты ее показывать боишься?

— Просто не хочу огласки. Есть причины.

— Рассказать не хочешь?

— Извини, старина.

— Ну дело твое. В общем, план такой. Две сучки, одна тебе, другая мне. Шибари позатейливее, порка — девайсы на твой выбор, я уже определился — казацкая нагайка и кнут плетеный, ну ты помнишь. И еще предлагаю «синий огонь». Знаешь такую забаву?

— Слышал, но не пробовал.

— А я на своей опробовал. Визжала как поросенок, но вытерпеть смогла. Кстати коже от него только лучше. Одни мой знакомый медик говорит, есть такой метод физиотерапии, Д,Арсонваль называется. Как раз после порки самое то, рубцов не останется, даже мазь не нужна. Сучки будут опытные, с высоким болевым порогом, так что можно разнообразить, там несколько насадок. Я ссыль тебе кинул в почту, разберешься что к чему. Ах, да. Костюмы. Кожаные штаны, помнишь, мы в них делали сессию год назад. Сохранил?

— И все?

— Ну да. У меня татушка новая на плече, красотища. Кстати и тебе можно нарисовать, времянку.

Вечеринка была назначена на субботу. В пятницу на сессии с Аленой я прокручивал в голове указания Страйка, даже попробовал на своей игрушке новый бандаж-шибари, очень эффектный. В законченном варианте моя игрушка парила в воздухе словно ангел.

Раскинутые в стороны как крылья руки, затейливо обвитые веревкой и притянутые к перекладине. По нашей со Страйком задумке завтра на сессии вторая нижняя должна была изображать демона и будет подвешена симметрично — головой вниз.

Долго раздумывал, не опробовать ли «синий огонь». Достал прибор, повертел в руках. Включил. Внутри стеклянной трубки пробежали синие молнии, запахло озоном.

Залюбовался и услышал тоненькое поскуливание.

Мой «ангел» тихо подвывал от ужаса. Это меня подстегнуло. Обожаю, когда она боится. И как потом слетает в спейс, когда предмет, что только что вызывал панический ужас, заставит ее кончить.

Подошел вплотную, погладил по щеке.

— Это называется «синий огонь». Игр с электричеством у тебя в хард лимит нет. Можешь сказать стоп-слово.

Выждал несколько ударов своего сердца, в полной уверенности, что имени «Алена» не услышу. Установил переключатель силы разряда на минимум. Провел по своей руке. Раздался легкий треск, сильно запахло озоном. Было совершенно не больно. Приятное покалывание, не более того.

Посмотрел в расширившиеся от ужаса глаза. Она снова почти на грани спейса — сплошные черные зрачки.

Медленно провел стеклянной трубкой по ее ножке — от лодыжки, вверх. Дернулась — ожидала страшной боли, но сразу же расслабилась. Мне стало немного обидно. До сих пор не доверяет мне до конца. Можно подумать, я когда-нибудь заставлял ее испытывать сильную боль. Дошел почти до паха. Начал то же со второй.

Закрыла глаза, расслабилась. Это ты зря, девочка.

Быстрым движением провел трубкой между ног. Она распахнула глаза — ощущения были гораздо сильнее, чем по коже. Пальцами развел складочки и тронул набухший розовый холмик. Дернулась, задохнулась, закусила губу, застонала.

— Тише-тише.

Другой рукой прикоснулся к губам, она послушно приняла мой палец, облизала язычком, пососала. Умница...

Ввел в нее влажный палец, одновременно продолжил водить стеклянной трубкой по животу, выше, обвел каждую грудь. Она уже закрыла глаза, тяжело дышала. Вздогнула и тихонько ахнула, когда разряд коснулся соска. Но глаз не открыла. Второй — и снова тихое «ах».

— Открой рот.

Она распахнула глаза. Опять боится.

— Мне повторить?

Нерешительно приоткрыла губы.

Я выключил прибор. Провел стеклянной колбой по губам, давая понять, что разряда нет. Скользнул внутрь, погладил ее язычок. А потом снова включил.

Дернулась, захныкала. На глазах выступили слезы.

— Это за непослушание.

Отошел, достал внутреннюю насадку. Из того, что прочитал в описании, знал, что она снижает интенсивность разряда, благодаря латексному напылению, подходит для введения внутрь.

Разогревающая смазка, хотя она и так уже мокренькая.

Сжалась, ожидая боль. И тут же расслабилась. Значит приятно.

— Можешь попросить.

— Господин... мастер... пожалуйста...

— Что, пожалуйста, малыш?

Скажи, детка, скажи это. Ты еще ни разу не произносила это слово.

— Скажи!

Нахмурилась, сжала зубы... Держится из последних сил. Упрямица. Но я не позволю. Сдвинул переключатель на одно деление. Сжалась, вскрикнула. Передвинул обратно.

— Или ты скажешь или вместо удовольствия будет боль.

Продолжил мягко вводить наконечник, большим пальцем надавил на набухший холмик.

— Кончить.... Можно... пожалуйста...

Ну вот! Это же так просто, быть послушной.

— Да, детка, давай.

Вынул прибор и быстро ввел в нее пальцы... Обожаю, когда она сжимает их. Брызнула влага, карамельный запах стал ярче... Сладкая моя девочка. Как ты хороша, когда кончаешь.

Пока распутывал веревки, ласкал и разминал ее тело. Умница моя. На руках отнес на кровать. Она даже не открыла глаз. Лег рядом, начал целовать: губы, шею, грудь, живот. Сладко... Уже скоро она металась по подушке, постанывала и вдруг обхватила меня руками, прижалась, так доверчиво и страстно.

Э нет, детка... Ванили не будет.

Отстранился.

— Руки вверх.

Отрываться надолго от нее не хотелось. Огляделся, соображая, чем связать. На пуфике рядом с кроватью лежала моя одежда... Ремень!

Рывком вытащил из джинсов, обвил ее запястья, притянул к спинке. Без изысков, я уже на грани...

...лежал рядом, разглядывая ее. Опять она кончила без разрешения. Непослушная девочка! Но наказание разрушит этот чудесный момент. Жестко поцеловал ее в губы, поймал и прикусил язычок. Потом сжал зубами мочку уха. Ахнула от боли.

— Ты опять не послушалась, — прошептал во второе ушко и тоже прикусил.

— Простите, Мастер... не смогла... мне так хорошо... простите...

Легкий шлепок по губам.

— Да еще болтаешь без разрешения!

Огромные карие глаза испуганного олененка, в уголках дрожат слезы.

— Следующую сессию начнем с работы над твоими ошибками. На сегодня все.

На вечеринку собралось около двадцати человек — все опытные и проверенные члены клуба. Наша со Страйком сессия была по программе третьей. Поэтому мы могли посидеть за столиком, обсудить нюансы, выпить немного — алкоголь перед сессиями в больших количествах дурной тон. Я пришел чуть раньше него, уже успел заказать коньяку и закуску. Он явился как всегда эффектно — уже в костюме, с голым торсом, весь в ярких и затейливых наколках, в сопровождении двух «сучек» на поводках и в ошейниках с шипами. На одной был белый латексный корсет, на другой — черный. Небрежно перебросил мне поводок белого «ангела». Девочка поцеловала мне руку, ритуально принимая мой топ, и непринужденно опустилась на пол рядом с диванчиком.

— Твои сучки как всегда выдрессированы идеально.

— Что есть — то есть, — довольно усмехнулся Страйк. «Демон» встала на четвереньки у его ног, обутой в тяжелые армейские ботинки. Ноги он немедленно устроил у девочки на спине, будто на скамеечке.

— Говорят, сегодня будем сам Латов, — проронил вдруг Страйк, сделав глоток коньяку и затягиваясь сигаретой.

Меня будто ударили под дых. Только этого не хватало. Вот не зря говорят — первая мысль от бога. Далась мне эта вечеринка.

— А что он тоже в Теме? — спросил я, стараясь выглядеть безразличным.

— Ну официально нет. Думаю просто сочувствующий. Хотя, кто знает, что там у него за высоким забором на Рублевке происходит. Может с женой в лайф стайле живет.

— Да какой лайф стайл. У него дочери шестнадцать, — ляпнул я и тут же пожалел.

— А ты откуда знаешь? — удивился Страйк.

— Да так, администраторша сболтнула. Ты же знаешь, она была моей нижней. Иногда сливает мне инфу.

— Ну ладно. Пошли уже. Пора.

Сессию мы отыграли великолепно. Девочки Страйка, и правда, были безупречно вышколены. Страйк сорвал овации виртуозно выпоров своего «демона» казацкой нагайкой, я — как всегда использовал свою любимую семихвостку. В полутьме и хорошо поставленном сценическом свете игры с «голубым огнем» вызвали полный восторг. Обе «сучки», кажется, даже успели кончить. Всегда удивлялся такой выдрессированности.

Под свист, хлопки и улюлюкание, мы спускались с подиума, когда я буквально напоролся на чей-то взгляд, полный негодования, обиды и ярости...

Даже под нелепой латексной маской, закрывающей все голову, я узнал Алену. Не мог не узнать. Она стояла посреди зала, — в нелепом кожаном костюме: короткие шорты, бюстье и много ремешков, с ошейником... Выругался про себя. Дура, малолетняя дура. Сейчас начнется оргия, и в таком прикиде ей заткнут рот и отдерут во все отверстия, даже не спросив, чья она вещь.

Едва дошел до своего места, бросил поводок своей «сучки» Страйку и крикнул сквозь рев какой-то роковой композиции:

— Сейчас вернусь!

— Давай скорее, — кивнул Страйк. — А то все веселье пропустишь.

Я обошел зал у стены и незаметно подобрался к Алене, которая все также стояла, опустив голову, будто в растерянности. Схватил ее за руку, потащил прочь. Первой мыслью было втащить ее в мужской туалет. Нет, повторяться не будем.

Выволок ее наружу мимо удивленного Макса.

— Ты с ума рехнулась? — я схватил ее за ошейник и прижал к кирпичной стене. — Куда ты приперлась? Да еще в таком виде! Это что — новогодний утренник? Ты знаешь, что с тобой сделают?!

Она только всхлипывала.

— Твой прикид орет каждому — трахни меня глубоко и грубо!

— Но я... — промямлила она, хлюпая носом под латексом.

Я с омерзением сорвал с нее маску. Красный нос, распухшие губы, тушь размазалась.

— Что я?

— Я ваша... вы... мой Мастер.

— Идиотка, — простонал я. — Потом снова схватил ее за руку и потащил к стоянке такси.

Впихнул в первую попавшуюся машину, выхватил бумажник, швырнул водиле две тысячные и прорычал:

— Южное Бутово! Энергетиков семнадцать, восемьдесят один! Доведи до квартиры!

Потом вложил в руку Алены ключ от студии.

— Дождись меня. Только посмей уйти или сбежать по дороге.

И с силой захлопнул дверь. Водила, немного опешивший от этой сцены, тронулся с места.

Отдышавшись, я развернулся и зашагал ко входу в клуб. Нужно было попрощаться со Страйком. И во второй раз за вечер окаменел.

У самых дверей в сопровождении двух громил в черных пиджаках стоял Латов и внимательно меня разглядывал. Я его узнал — видел пару раз в клубе, а один раз он лично вручал платиновые карты vip-гостя. В том числе и мне.

В голове как в детской карусели крутилась только одна мысль: «Заметил он Алену? Узнал?».

Заставил себя непринужденно улыбнуться:

— Здравствуйте, господин Латов. Какая честь для нашей вечеринки!

— А, господин Вольф! — ответил тот и я не услышал в его тоне никакой угрозы.

Кажется, пронесло.

— Проблемы с нижней? — спросил он, лукаво прищутив глаза.

Черт... Алена явно папина дочка. То же лукавое лисье выражение.

— Уже уладил. Все в порядке.

— Отлично! — Латов посторонился, пропуская меня в двери, которые настежь распахнул Макс и вытянулся в струнку. — Составите мне компанию? Очень хочется выпить.

«От такого предложения не отказываются», — подумал с сожалением я. Больше всего на свете мне хотелось сейчас оказаться в студии. И выдрать эту глупую девчонку как сидорову козу. Никакого секса. Порка ради наказания.

Латов провел меня в свою vip-ложу на второй этаж. Оттуда весь зал был как на ладони, а тех, кто находился внутри, из-за тонированного стекла видно не было.

Официант уже накрыл стол и разливал по стаканам «Хенесси».

Латов уселся в глубокое кресло, кивнул мне на другое, напротив.

— Я давно хотел познакомиться с вами поближе, — сказал он, поднимая свой бокал. — За знакомство!

— За знакомство, — эхом отозвался я, внутренне сжимаясь, словно готовясь принять удар. Или пулю. Кстати, вполне вероятный исход нашего разговора, если он все-таки видел Алену.

— А чем обязан такому интересу? — осторожно поинтересовался я, пригубив коньяк и отставляя бокал.

— Вы занятный человек, Игорь, — сказал Латов, опять хитро прищуриваясь. — Порядочный, честный, в чем-то консервативный. Вы мне очень нравитесь. Как говорить, с таким можно и в разведку.

— Думаю, вы мне льстите, — ответил я, совершенно сбитый с толку. Совершенно не понимал, к чему он клонит, но внутри все сжалось от предчувствия опасности.

— Лесть совершенно не мой метод, — рассмеялся Латов. От его смеха мне стало совсем не по себе.

Помолчали. Я слышал, как тикают секунды в часах моей жизни.

— Я очень многое про вас знаю. — Латов стал снова серьезным.

Сердце рухнуло вниз как при езде на скоростном лифте. Ну вот и все. Он знает. Завтра мой изуродованный труп будет плавать в Москве-реке.

— Вы хороший отец, — продолжил он.

Нет! Только не Ванька... Я готов был упасть ему в ноги и умолять оставить в покое моего сына.

— Ответственный работник. Вас очень ценит ваш начальник.

Ну понятно. Обложили. Вызнали всю поднаготную.

— Не заводите интрижек, не балуетесь случайными связями. Тщательно выбираете нижних. Сколько у вас их было за пять лет? Десять, или одиннадцать?

— Девять, — хрипло ответил я. Алена была десятой.

— Думаю, вы не точны, — недобро усмехнулся Латов. И тут мне стало по-настоящему страшно. Захотелось просто выкрикнуть ему в лицо: «Да, я связываю, порю и трахаю твою несовершеннолетнюю дочь! Так пристрели меня, и прекратим этот цирк!».

Но я сдержался. Контроль... Я же Мастер контроля. Будем играть до конца.

— Откуда такая информация? — спросил я, выдерживая его прямой взгляд.

— У меня свои источники, — уклончиво ответил Латов. — Но я вовсе не думал вас шантажировать. Наоборот, хотел избавить вас от некоторых неудобств.

— Неудобств? — переспросил я. Этот странный человек не переставал меня удивлять.

Я залпом осушил свой бокал. Латов не спеша допил свой Хенесси.

Так же не спеша достал из ящичка сигару. Хищно клацнула гильотина, обрезая кончик.

«Это намек, — подумал я. — Так будет с моими мизинцами».

Что за глупости? Тоже мне, Крестный Отец.

Латов щелкнул дорогой зажигалкой, сверкнул бриллиантом на печатке. Выпустил задумчиво дым.

— Как я уже сказал, вы замечательный отец. Уверен, вам известно, что у меня дочь. И ей почти семнадцать.

Я просто кивнул. Язык присох к нёбу.

— Воспитывал ее без матери. Почти с младенчества. Мать Алены умотала в Америку, когда малышке едва исполнилось пять. Девочку воспитывать отцу-одиночке очень нелегко, поверьте.

Я опять кивнул.

— С полгода назад я нашел у нее в столе кое-какую литературу, — продолжил Латов и снова налил себе «Хенесси». — Потом мои спецы шерстили ее ноутбук. То, что девочка увлеклась Темой, не вызывало сомнений. И, регистрируясь на тематических сайтах, в том числе на вашем, господин Вольф, позиционировала себя нижней.

Я замер в своем кресле, стиснув пустой бокал в руке.

— Устраивать воспитательные беседы, запрещать — было бессмысленно. Слишком хорошо я знал свою упрямую дочурку.

Латов снова выпустил кольца дыма в потолок.

— Оставался только один выход. Подобрать ей хорошего консервативного верха. Не садиста, не экстремала. Просмотрев все анкеты, я выбрал вас, Игорь.

Муть в моей голове начала проясняться. Осознание того, что меня банально использовали, ударило по голове увесистым молотком.

— Как это выбрали? — произвольно вырвалось у меня.

— Вам так важны подробности? — усмехнулся Латов.

Я помотал головой. Как там говорила Алиса из сказки Кэрролла? «Все интереснее и интереснее».

Страх отступил, вместо него внутри поднималась злость. На себя, полного идиота,

возомнившего себя кукловодом, тогда как был простой марионеткой. На этого зажавшегося толстосума, подсунувшего любимой дочке тщательно отобранную и проверенную игрушку. Представил себя в упаковке с надписью «Проверено электроникой». Чуть не расхохотался в лицо Латову.

На эту дурочку... Хотя нет. Злость на Алёну куда-то испарилась. Во всей этой истории она была невинной овечкой. Глупой, наивной, но невинной. Мой «ангел», моя карамельная игрушка...

— Значит вам все известно, — устало выговорил я. — Чего вы хотите от меня?

— Ничего особенного, — Латов дружески похлопал меня по руке, безвольно лежащей на подлокотнике кресла. — Просто не разрывайте с Алёной договора. На сколько он заключен?

— Два месяца.

— Я так и думал. Исполните его до конца. Потом она все равно уедет. В Швейцарию, в колледж. Если моя девочка будет довольна — я не останусь в долгу.

Меня чуть не стошнило.

— Мне ничего от вас не нужно, — сказал я и встал. — Простите, но мне пора. Ваша любимая дочурка приперлась сегодня в клуб, одетая как публичный саб без хозяина, и я отправил ее в студию. Она, надеюсь, еще там. Мне нужно поговорить с ней...

Но понял, что не хочу видеть больше эту девчонку.

— А знаете что, господин Латов. Заберите-ка ее оттуда сами. Думаю, адрес студии вам тоже известен. Я больше не хочу иметь дело ни с вами, ни с ней. Всего хорошего.

Направился было к выходу. Секьюрити преградили мне дорогу. Драться с ним было бы глупо.

— Вы меня не поняли, господин Вольф. Мои просьбы не обсуждаются. Поезжайте к Алёне. И ни слова о нашем разговоре. Всего месяц, и вы будете свободны. А ваш счет пополнится кругленькой суммой. Ведь вы тоже хотите, чтобы ваш сын учился в Швейцарии?

Очень хотелось развернуться и с размаху въехать кулаком в эту сытую, довольную собой и своей крутостью морду. Но что потом будет с Ванькой...

— Я понял вас, господин Латов. До свидания.

Глава 4. Хьюстон, у нас проблемы

Злость возвращалась с каждым щелчком лифта, отсчитывающего этажи. Дверь с номером 81 была не заперта. Толкнул ее, сдернул куртку, только заметил, что я все еще в кожаных штанах.

Она сидела в позе покорности на полу в прихожей. В том же пошлом прикиде. Зареванная. Дрожала то ли от страха, то ли от напряжения. Сколько она сидит вот так на коленях? Час, полтора? Ненормальная упрямая дура.

Разулся. Прошел мимо. Всхлипнула. Сейчас опять заревет. Стиснул зубы. Я не могу ее жалеть. Ради нее самой. Черт! Да какое мне дело...

— Иди сюда.

Даже отсюда мне было слышно, как у нее стукнули зубы. Бойся, детка, бойся. Твой папочка выписал мне карт-бланш. Теперь могу делать с тобой все, что заблагорассудится.

Прошлепала босыми ногами по ламинату. Встала передо мной. Руки сцепила за спиной. Голова опущена. Видел ее макушку. Волосы спутались от латекса. Вспомнил ощущение мягкого шелка в руках...

— На колени.

Стукнулась коленками о пол. Охнула.

Отошел к стене. Порылся в комод. Да мой форумчанин затейник! Столько интересного! Достал поводок-цепочку, кляп-фалоиммитатор, металлический крюк с шариком, наручники, распорку для ног, ножницы. Ты хотела жести, детка? Будет тебе жесьть.

Защелкнул карабин на кольце ошейника, руки сковал наручниками за спиной.

— Открой рот.

Рвано выдохнула. Явно такую игрушку видит впервые.

Приоткрыла губы. Грубо втокнул кляп, до самого горла. Поперхнулась, на глазах выступили слезы. Застегнул на затылке ремешки.

Наступил на цепочку, заставляя ее лечь лицом на пол.

Коленом раздвинул ей ноги, закрепил на лодыжках ремни распорки.

Теперь ее дурацкий прикид.

Разрезал на ней лиф, грубо сдернул. Тоже проделал с шортами.

Провел рукой по попке, между половинками. Сухая. Боится. Очень боится.

— Я покажу тебе, что с тобой было бы в клубе, останься ты еще минут на пятнадцать.

Всхлипнула, промычала.

Достал из кармана тюбик со смазкой. Выдавил на пальцы. Теперь самое ответственное. Наверняка ее маленькая дырочка девственна. Мне не хотелось делать ей очень больно. Только напугать.

Приставил шарик к туго сжатому колечку мышц. Идеально было бы ее расслабить. Но это не тот случай. Даже специально не стал согревать.

Надавил тихонько.

Она издала какой-то странный горловой звук.

— Ты сказала стоп-слово? Извини, детка. Сегодня у тебя его нет. Только не в этот раз.

Смазка сделала свое дело, еще немного давления и шарик проскользнул внутрь, она снова издала этот звук. Наверное, это был бы крик, если бы не кляп в горле.

Пристегнул цепочку от крюка к ее ошейнику.

Расстегнул брюки. Пора начинать самое веселое.

Грубо вбился сразу до упора. Она снова булькнула, подавилась... Похоже рыдает.

Насиловать ее удовольствия не доставляло. Но внутри сидела холодная мрачная злость.

Прекратил, поднял с пола за поводок.

— Ну как детка, ты этого искала, когда пришла в клуб? Хотела по-настоящему, повзрослому? Нравится? Может позвать своего друга — втроем веселее, а?

Ее трясло. Крупной нервной дрожью. Я должен был уже давно остановиться. Но какой-то болезненный азарт овладел мной, не отпуская, заставляя продолжать эту жестокую, грязную игру. Ударил ее по щеке.

— Похотливая сучка! Так ты служишь своему хозяину? Захотела, чтобы тебя трахнули сразу несколько мужиков? Ты этого хотела?

Пощечины заставляли ее голову дергаться из стороны в сторону как у тряпичной куклы...

И вдруг ее глаза закатились, и она тихо сползла на пол.

Меня обдало ледяной волной ужаса.

Что я наделал... она потеряла сознание...

Быстро снял с нее наручники, ошейник, вынул кляп, крюк. На руках отнес в ванную. Там была только душевая кабина. Посадил ее на уступ, отрегулировал воду, разделся и встал вместе с ней под горячие струи, почти на грани терпимого.

Сейчас, детка, сейчас. Прости меня... Я идиот.

Растирал ее тело ладонями, чувствовал, как оно расслабляется, согревается...

Закутал в большое полотенце, отнес в постель. Дьявол! Сессионная кровать! Одеяло не предусмотрено.

Укрыл сухим полотенцем, порывлся в шкафчике в прихожей. Нашел плед. Отлично. Укутал ее, подоткнул со всех сторон.

Сел на пол рядом, обхватил руками голову. Придурок. Что же я натворил...

Самое страшное будет потом. Когда она очнется. Жестокий дроп. Потеря доверия кверху. Я перешел ее пределы. Не удержал контроль. Это очень серьезная травма. Особенно в ее нежном возрасте. Папочка во мне ошибся. Я ее сломал. Вот теперь мне точно конец...

Не знаю, сколько она спала. Мне показалось долго. Я успел вскипятить чайник. В крошечном буфете (о чудо!) нашелся чай и сахар. Это было то, что нужно.

Услышал сдавленные рыдания и бросился к ней. Чуть не ошпарился чаем.

— Шшшш, тише, тише...

Обнял, погладил по спутанным волосам, еще влажным. Не пытается отстраниться. Это хорошо. Мелко-мелко дрожит. Сейчас начнется истерика.

Прижал к себе крепче. Нужно просто переждать.

Она рыдала горько, всхлипывая и подвывая. Долго и сладко. Как только рыдания стали тише, мягко отстранил ее.

Поднес кружку к губам.

— Пей.

Послушалась. Сделала глоток. Обхватила чашку и выпила все до дна. Умница.

Зубы стукнули о фарфор.

— Что со мной? — тихий хриплый голосок. Горло скорей всего саднит. От кляпа.

— Моя ошибка. Я перегнуул. Это пройдет. Поспи.

— Мне плохо...

Стиснул зубы. Обругал себя. Как я могу помочь? Я сломал тебя, детка. Сломал. Смогу ли починить? Хорошо то, что она меня не оттолкнула. Значит надежда осталась. Я все еще ее топ.

Усадил ее к себе спиной, обхватил руками. Вспомнил, как делал розен массаж своей Лариске на курсах будущих пап. У меня очень хорошо получалось. Жена говорила тогда, что мои руки волшебные. Черт, не думал, что пригодится опять.

Мягко начал разминать ее тело, нащупывая точки напряжения, расслабляя, поглаживая. Закрыла глаза, положила голову мне на грудь. Все еще дрожит.

Плечи, спина, руки... Потихоньку ее отпускало, напряжение стекало вниз. Ее страх и боль будто впитывались в мои ладони.

Аккуратно уложил ее на спину.

Она прикрыла грудь руками. Не стал отстранять. Ей сейчас нужна эта закрытость.

Все также медленно и мягко начал разминать ступни. Каждый пальчик, лодыжки, икры. Как только мои руки двинулись вверх от коленей, она резко сжала бедра.

— Ты мне мешаешь. Расслабься. Никакой боли. Никакого страха.

Послушалась, немного отпустила, но мышцы все равно как каменные. Ничего, я терпеливый. Поглаживаю, мягко разминаю, опять поглаживаю... Ну вот, так лучше.

Бережно перевернул ее на живот. Осталось самое сложное. До своей попки она теперь мне дотронуться не даст. Я вспомнил — анал был в ее хард лимит. И двойное проникновение тоже.

Руки она все также держала на груди. Сжалась в комочек.

Опять начал с плеч. Высвободил ладошки, прошелся по активным точкам. Немного помогло. Глубоко несколько раз вздохнула. Почти перестала дрожать.

Спина уже почти расслаблена. Но как только мои ладони спустились на поясницу, она опять зажалась. Память тела трудно преодолеть. Но я попробую. Разминаю, поглаживаю. Расслабляется, еще раз глубоко вздохнула. Закрыла глаза.

Когда я закончил, Алена глубоко и спокойно спала. Укрыл ее пледом. Подложил подушку поудобнее. Спи, ангел. Сон сейчас самое лучшее лекарство.

Что же делать с ее одеждой? От ее дурацкого прикида остались одни клочки. Вышел в прихожую. Увидел ее рюкзачок. Обрадовался. Но зря. Одежды в нем не было. Только мобильный телефон и связка ключей.

Взял в руки мобильник. Порылся в списке. Вот. Папа. Стиснул зубы. Нажал «соединить».

— Аленушка? — встревоженный голос Латова. — Ты где? С тобой все хорошо?

— Это Вольф. Пришлите кого-нибудь с ее одеждой в студию. В Южном Бутово. С ней все хорошо. Спит.

Латов помолчал. Видимо, ему ужасно хотелось задать мне кучу вопросов. А может и пристрелить. Но он сдержался.

— Через час мой шофер привезет вещи.

— И еды. Пусть купит пиццу что ли. Заодно сойдет за доставку.

— Договорились.

Хотел уже нажать отбой. Потом спохватился.

— Да, вот еще что. Скорее всего, она откажется продолжать.

— Что ты с ней сделал?!

— Спокойно, спокойно. Ничего такого. Просто мы поговорили. Довольно жестко. Думаю, что и другого верха она искать больше не станет.

Молчание. Не поверил. Борется с желанием приехать и придушить меня собственными руками.

— Если Алена сама разорвет отношения и больше не вернется к Теме — считайте свои обязательства выполненными. Но не дай бог, с ней что-то будет не так...

— Я позабочусь о ней. Пока я ее топ.

Нажал отбой. Спрятал телефон в рюкзачок. Вернулся в студию. Она все также лежала на животе, обняла руками подушку. Хорошо, что не свернулась калачиком. Значит, я смог убрать ее спастику.

Ушел на кухню. Проснется, будет хотеть пить. Нужно еще чаю, крепкого и сладкого.

Истошный крик вдруг разорвал тишину.

— Нет! Нет! Не надо... пожалуйста... Алена! Алена!

Подбежал, обнял, прижал к себе.

— Тише, тише... Все прошло. Ничего не бойся.

Укачивал ее как маленького ребенка на руках, и горько усмехался.

Вот ты и произнесла его. Стоп-слово. Пока во сне. Точнее ты пыталась сказать его вчера. Я не дал тебе такой возможности. И не думаю, что тогда оно бы меня остановило. Слишком много всего...

Ведь я нарушил не только твои пределы, малыш. Свои тоже. Потерял контроль, поддался ярости и злости. Это конец. Мой конец как топа. Не только ты мне больше не можешь доверять. Прежде всего, себе больше не могу доверять я. Мы теперь оба — сломанные игрушки. Тебя я попробую починить, сделать так, чтобы ты забыла обо мне как о страшном сне. Меня починить уже невозможно. Твой папочка уничтожил меня. Это оказалось так просто.

Она успокоилась, затихла. Уложил ее опять на постель. Ощутил, как смертельно устал. Осторожно, чтобы не потревожить, лег рядом. Она доверчиво прижалась, спрятала лицо у меня на груди... Хотел отстраниться. Не стал.

Разбудил меня звонок мобильного. «Миссия невыполнима». Дьявол... Сегодня же воскресенье.

— Ты где?! — возмущенный голос Ларисы в трубке. — Ванька уже заждался! Вы же собирались с ним в Стар Гелакси!

Ушел на кухню, отвернулся к окну.

— Ларис, прости, срочная командировка. Даже не смог позвонить. Извинись перед Ванькой. Скажи, что с меня любое его желание. Вечером заеду, объясню сам.

— Не приезжай! Мы в гости уйдем!

Бросила трубку. Злится. Наверное, я разрушил ее планы. В последние сутки только этим и занимаюсь. Разрушаю.

Мягкое «шлеп-шлеп» босых ног по ламинату. Завернулась в полотенце. Взъерошенная как воробей. Лицо распухло от слез, ресницы склеились.

— Иди умойся. А лучше в душ.

Посмотрела на меня задумчиво. Размышляет — это приказ топа или просьба? Детка, я сам не знаю, кто я и зачем здесь. Кивнула. Скрылась в ванной.

Пока она плескалась в душе, приехал водитель Латова. С пакетом вещей и большой

пиццей.

Вещи я запихал в ее рюкзачок. Будет удивляться, но спишет на стресс вчерашнего вечера.

Вышла из душа розовая и посвежевшая, придерживая полотенце локтем. Такая красивая.

— Ух ты, пицца!

Полотенце сползло. Она смутилась, запахнулась поплотнее.

— Там в коридоре твой рюкзак. В нем вроде одежда.

Посмотрела на меня недоверчиво.

— Одежда... откуда?

— Я почему знаю, — отмахнулся, стараясь не выдать себя.

Прошлепала в коридор.

— Надо же...

Пошла одеваться. Джинсы, футболка с нарисованной розовой туфелькой в стразах. Волосы заплела в косу. Так остро ощутил ее юную чистоту. Только бы не вспоминать, что я с ней сделал вчера.

Она сидела на высоком барном стуле, болтала ногой, жевала пиццу и запивала ее чаем. Так по-домашнему, что у меня защемило сердце.

— Собирайся. Я вызову такси и отвезу тебя домой.

Похлопала глазищами.

— Уже домой?

— Сегодня вообще-то воскресенье. Не пятница. Мы и так нарушили все правила.

Напоминание про пятницу и правила заставило ее нервно сглотнуть. Не бойся, детка. Ты уже сказала свое стоп-слово. Продолжения не будет.

Утренняя воскресная Москва была полупустой. Этот город так рано не просыпается. Она доверчиво прижималась к моему плечу, а мне хотелось выть от тоски. Наверное, впервые в жизни.

Прежде чем выйти, она посмотрела на меня, потом решила, повисла на шее и неловко поцеловала. Испугалась того, что сделала. Замерла.

— Скажи его, малыш. Ты уже пыталась сказать вчера. И кричала его во сне. Скажи.

Захлопала ресницами, дрогнули губы. Только не реви. Ненавижу слезы!

— Алена.

Всхлипнула.

Я улыбнулся ей. Провел ладонью по щеке.

— Будь счастлива, Алена. Сладкая карамельная девочка. Будь счастлива.

В Москву нахально ворвалось лето: раскалило асфальт, сделало совершенно невыносимыми пробки, загнало офисный планктон под кондиционеры и вентиляторы.

Ванька закончил первый класс на одни пятерки, за что был премирован новой Сони Плейстейшен. Лариса собиралась увезти его в Турцию, я, конечно же, возражать не стал. Море это замечательно. Самому бы рвануть... Но Палыч внезапно слег в больницу с сердцем, вся фирма осталась на мне.

Я почти не вспоминал об Алене и ее папаше, господине Латове. Иногда мелькала тревожная мысль — вдруг я не смог снять до конца дроп у девочки. Но время шло, меня никто не беспокоил.

Страйк несколько раз звонил мне, звал на вечеринки. В «Шипы и розы» дороги больше

не было. Наконец, мы уговорились о совместной сессии в его игровой.

Но что-то сломалось. Был просто жесткий секс. Никакого драйва. Большие карие глаза испуганного олененка с дрожащими слезинками в уголках не шли из памяти. И истошный крик: «Не надо, пожалуйста... Алена, Алена» — звучал в ушах.

Пустоту, что поселилась внутри, я забивал работой, посиделками у телевизора, алкоголем. Незаметно для себя стал много пить.

Отрадой были только воскресные встречи с Ванькой. Лариса даже как-то разрешила мне забрать его в пятницу вечером на все выходные. Видимо, у моей бывшей закрутился новый роман.

Но в начале июля Ванька с матерью уехал на море в Турцию. Тоска навалилась с новой силой.

Было несколько попыток завести новые отношения. Но дальше пробных сессий в игровой Страйка так и не пошло. Больше всего они напоминали случайный секс. Трахнул, выпорол, разбежались и забыли. Правда одна девушка попыталась сама напроститься на продолжение, но получила жесткий и даже грубый «от ворот поворот».

Как-то в понедельник я мучился головной болью от вчерашней дружеской попойки со Страйком, который тоже разогнал всех своих сучек и находился в свободном поиске. Он звал меня в Тайланд и я, кажется, даже успел согласиться, а теперь тоскливо раздумывал, как смогу бросить работу — Палыч до сих пор валялся в кардиоцентре после операции по коронарному шунтированию.

Щелкнул селектор и медовый голосок Снежаны, чуть искаженный динамиком, пропел:
— Игорь Валентинович, Смирнова просится на прием. Приказы на новых сотрудников подписать.

— Пусть зайдет, — ответил я.

Поморщился от головной боли.

— И кофе сделай.

Вошла начальник отдела кадров Вероника Львовна, довольно хорошо сохранившаяся для своих пятидесяти двух. Я скривился от громкого стука каблучков. Надо запретить носить такую обувь. Цокают как лошади.

Смирнова хлопнула мне на стол стопку бумаг. Анкеты новых сотрудников с аккуратно подколотыми фотографиями. Палыч завел такой порядок — все анкеты просматривал сам. Мне было до лампочки, как выглядят живые приложения к компьютерам в бухгалтерии. Но менять порядки, пока я только и.о., было бы некорректным.

Машинально подписывал бумаги, не обращая внимания на фотографии, как вдруг зацепился за что-то знакомое. Присмотрелся повнимательнее. Миловидное женское лицо, рыжие волосы, зеленые глаза. Пробежал глазами анкету. Виктория Стахова, двадцать четыре года, бухгалтер-экономист. Замужем, сыну три года. Надо же. Виктория.

— Что-то не так? — осторожно спросила Смирнова. — Эта кандидатура вас не устраивает?

— Нет-нет, все в порядке.

Я закончил подписывать приказы, и начальник отдела кадров ушла, все так же грохая каблучками. Все-таки, надо запретить носить такую обувь. Или перестать напиваться.

До обеда я промучился, борясь с желанием вызвать Викторию к себе в кабинет. Только повод придумать не мог. Да и вряд ли она будет рада меня видеть. Я бы даже сказал — точно не рада.

Но это совершенно иррациональное желание продолжало зудеть и чесаться, как укусы комара. И я сдался.

— Снежана, — сказал я в селектор. — Вызови мне, пожалуйста, Стахову из бухгалтерии.

— Стахову? — удивилась секретарша. — А кто она такая?

— Никто, — раздраженно бросил я. — Просто сними трубку, позвони в бухгалтерию и попроси Стахову зайти ко мне в кабинет.

— Хорошо, Игорь Валентинович, — обиженно ответила Снежана.

Пока ждал появления Виктории, лихорадочно пытался придумать повод, по которому ее вызвал. С ужасом понял, что понятия не имею, о чем с ней говорить. Но отступить было поздно.

— Игорь Валентинович, Стахова, — раздалось из селектора.

Осторожный стук в дверь.

— Входите, — сказал я.

Что же ей сказать?

Вошла, одернула юбку. Поправила волосы, сделала несколько шагов, посмотрела на меня. Остолбенела.

— Проходите, присаживайтесь, Виктория. Чай, кофе?

Это было единственное, что пришло в голову.

Молча прошла, присела на стул, сложила руки на коленях. Посмотрела на меня. Глаз не опустила. Удивился. Эта реакция у нижних всегда доведена до автоматизма. Тьфу ты, она же замужем. Хотя муж тоже может быть топом. Я такое встречал и не раз.

— Нет, спасибо.

В голосе нет страха, только тревога.

Повисло неловкое молчание.

— Вы уже обедали? — вдруг спросил я. — Вот собираюсь в кафе. Не составите компанию?

Посмотрела на меня удивленно. Красивые у нее глаза. Зеленые, кошачьи. Помню их.

Вскинула тонкие брови. Едва заметно покраснела. Вспомнил, она всегда легко краснела, кожа тонкая, бледная, в веснушках. А как красиво на ней проявлялись следы от хлыста...

— Мы просто пообедаем. Как коллеги. И поговорим.

Только о чем?

Пока ехали в лифте, разглядывал ее, пытался понять, что в ней изменилось за эти четыре года, что мы не виделись. Пополнела, сосем немного, это ее ничуть не портит. Грудь стала больше. Ну да, ребенок. Движения стали уверенными, плавными. Нервничает немного, но не опускает глаз. Сколько ей было тогда? Девятнадцать, двадцать? Девчонка. А теперь взрослая женщина. Явно знающая себе цену.

В кафе я выбрал столик у окна. Заказал два бизнес ланча, и тут же поймал на себе возмущенный взгляд Виктории.

— Простите, вы хотели что-то другое? — я почувствовал себя виноватым.

— Нет. Бизнес ланч вполне подойдет. Просто я могла сделать заказ сама.

— Может, на ты? Мы ведь были знакомы. И близко.

Поджала губы.

— Так вы позвали меня поэтому? Я давно не в Теме. И отписывалась вам.

Правда? Я не помнил.

— Прости. Нет, не поэтому. Просто захотелось поговорить. Как ты?

Посмотрела на меня осуждающе. Ох, она не разрешала называть на ты. Но выкать бывшей нижней было очень дико.

— Я нормально. Очень хорошо. Вы читали, наверняка в анкете. Муж, ребенок. Еще вопросы?

Сейчас она встанет и уйдет.

Нет, сидит, бесстрашно смотрит мне в лицо. Молодец. И правда распрощалась с привычками нижней.

— Если разговор тебе неприятен, можешь уйти.

Самого покорила это фраза. Слишком похожа на ритуальную перед сессией. Виктория тоже поморщилась. Видимо, расставание с Темой далось ей нелегко.

— Пожалуй, я съем свой ланч.

Едва сдерживает раздражение.

Опять повисло неловкое молчание. Официант принес еду. Она ковыряла вилкой салат. А я все не мог придумать достойное продолжение разговора. И вдруг меня осенило.

— Прости меня. Я не хотел пользоваться своим положением. И не буду тебя преследовать. Мне просто нужен совет.

Перестала мучить салат и посмотрела на меня изумленно.

— Совет?!

— Скажи, как ты без Темы?

Молчание. Салат снова подвергся пыткам. Отложила вилку.

— Мне не хотелось бы об этом говорить. Но если уж нужен совет... За эти годы я поняла одно. Тема — это игра. Жестокая игра. Иногда она помогает выжить. Иногда разрушает. Но Тема — это не жизнь. В ней нет искренних чувств. Только эгоизм. Забота верхнего о нижнем — эгоизм. Приоритет пределов — эгоизм. А там где нет эгоизма — нет места Теме.

Она помолчала.

— Если это все, я, пожалуй, пойду. Спасибо за ланч. Деньги принесу вашему секретарю. До свидания, Игорь Валентинович. Не скажу, что встреча с вами была приятной.

Через два дня Смирнова снова принесла мне приказы. В том числе об увольнении Виктории Стаховой. По собственному желанию. Подписал и почувствовал себя последней сволочью. Кстати, это чувство было для меня абсолютно новым.

Утром в субботу позвонила Лариса. Они вернулись из Турции. Вдруг ужасно захотелось увидеть сына. Понял, как я по нему соскучился.

— Ларис, а можно я приеду вечером? Соскучился по Ваньке, сил нет ждать до воскресенья.

— А куда вы, на ночь глядя?

Недовольна. Наверное, у нее другие планы.

— Ну если позволишь, мы дома у вас посидим. Поиграем во что-нибудь.

Молчание. Думает.

— Хорошо, приезжай. А я тогда к Нинке схожу, крем для загара остался. А она завтра уезжает в отпуск.

— Спасибо! Дай Ваньку, спрошу, что ему купить.

Я приехал к сыну и Ларисе около пяти. Лариса встретила меня холодным безразличием.

— Впустишь?

Пожала плечами.

— Входи.

Знакомые, но давно забытые запахи обступили, смяли, впитались в кожу. Чай с жасмином, корица, теплая выпечка. Любимые Ларисины духи. Шанель «Мадмуазель». Сам дарил когда-то. Надо же, так и не сменила.

Ванька выскочил в коридор, повис на шее. Я зарылся лицом в светлую шевелюру. Задохнулся от его запаха. Такой родной. Отдал ему пакет с дисками.

— Иди выбирай, во что рубиться будем.

Издав вопль индейцев сиу и унеся в комнату.

— Чаю нальешь? Устал как собака.

Лариса смерила меня надменным взглядом. В нем явственно читалось: «Что, кобель, сучки твои даже чаем напоить не могут?». А может, я придумываю, и ей уже все равно.

— Иди на кухню. «Улитки» еще теплые.

Раздался звонок мобильного. Лариса ушла в коридор. Я услышал обрывок телефонного разговора:

— Не нужен? Ну ладно, как хочешь.

Вернулась в кухню, села напротив.

— Что поход к Нинке отменяется?

— Да ну ее, эту дуру. Весь мозг мне вынесла с этим кремом. А теперь уже не нужно.

— Пап! — раздался расстроенный голос Ваньки. — Я забыл совсем. Приставку отдал Алешке. Подождешь? Я смотаюсь!

— Иди, конечно, подожду.

— Я быстро!

Лариса вышла в коридор проводить сына, потрепала его по голове, чмокнула в щеку.

Мы остались вдвоем с Ларисой. Я пил чай, ел мягкие булочки и рассматривал ее, стараясь не смутить. Гусиные лапки у глаз. На лбу морщинки стали глубже. Уголки рта опустились — она выглядит грустной. Все равно заметила.

— Что, постарела? У тебя, небось, одни молоденькие.

— Не говори глупостей. Ты же знаешь, у меня никого нет.

— Ну да, конечно.

Фыркнула. Накрутила на палец волосы. Потерла висок. Опять, наверное, голова болит. У нее низкое давление и часто болит голова. Надо же. Я помню...

— Болит?

Кивнула. Когда-то с ее головной болью я справлялся легко.

— Давай помогу?

— Не нужно. Выпью таблетку.

— Химия. И не факт, что подействует.

— А ты умеешь убеждать!

Улыбнулась устало.

— Пойдем в зал.

Усадил ее на пол, по-турецки. Все тот же ковер, помню, как выбирали вместе. Мятного

цвета. Мягкий длинный ворс чуть свалился.

Какая она напряженная! В ладони упрямо билась ее боль, не желала уходить, впитываться и растворяться. Но я продолжал упорно гладить, разминать, успокаивать... Как с Аленой... Нет... Вдруг понял, ощутил всем нутром. Не так, совсем не так. Забота об Алене была заботой топа о боте. Не больше и не меньше. И в большей степени — желанием загладить свой косяк. Забота о Ларисе была другой. Искренней. О ней. О моей женщине, пусть и бывшей. О матери моего ребенка. Кажется, я начинал понимать, о чем мне говорила Виктория.

Лариса все больше расслаблялась. Ну вот и умница. Твоя головная боль — это зажатость. Спазмы. Сейчас все пройдет. Ее голова начала склоняться. Коснулась моего плеча. Почувствовал, как она опять напрягается.

— Расслабься. А то все насмарку.

Я дышал ей в затылок. Вдыхал запах ее волос, ее духов, корицы, ванили, булочек, еще чего-то неуловимого. Сам не заметил, как руки соскользнули с плеч ниже...

— Ты чего?

Резко отстранилась. Ну вот, опять все испортил.

Вскочила. И пошатнулась. Еле успел поймать.

Держал ее в руках и сам не понимал, что происходит. Да и она, похоже тоже...

Мои губы сами нашли ее. Влажные, трепещущие. Хорошо, что на ней только домашний халатик. До сих пор дома не носит лифчик. Кожа все такая же, бархатная и пахнет корицей.

Требовательные руки сорвали с меня рубашку. Ремень, брюки...

Наш старый «мятный» ковер стал жестковат. Раньше был мягче...

...когда она замерла, впившись мне в плечи ногтями, больно, до крови, прежде чем ее сладкие судороги отправили меня в свободный полет, промелькнула совершенно дурацкая мысль: «Как хорошо... дома».

Ванька вернулся через час. Остолбенел в прихожей, когда я выглянул из ванной в одном полотенце.

— Пап? Ты что у нас останешься?

— У папы воду отключили, — крикнула Лариса с кухни. — Он решил помыться. И да, останется. А ты что против?

— Ураааа! — Ванька промчался в свою комнату. — Сейчас в гоночки рубанемся!

— Сначала ужинать! Мужчины, кушать подано!

Горло почему-то перехватило и стало больно дышать.

Ночью мы лежали, тесно обнявшись. Наш старый скрипучий диван радостно впивался в бок продавленными пружинами. Я гладил Ларису по волосам и терялся в давно забытых ванильных ощущениях.

— Ты же не всерьез? — вдруг спросила она.

— Что? — не понял я.

— Ну, завтра уйдешь, и все будет по-прежнему?

— Ты этого хочешь? У тебя кто-то есть?

Молчание. Так стало горячо в груди. Конечно, есть. Думал — все так просто. Вени, види, вици... Ага, Цезарь нашелся.

— Дурак ты, Игорь.

Отвернулась к стене. Только не реви...

Обнял, развернул, поцеловал. Ответила, впустила.

— И я дура.

— Почему?

— Потому что дурака люблю.

Стиснул ее так, что хрустнули ребра. Диван немедленно отозвался предательским скрипом.

Встал, бросил на пол подушку, подхватил Ларису на руки.

— А ковер наш все еще мягкий...

Бессмысленный грохот клубняка давит на уши. Как вода на большой глубине при погружении.

Полутемный зал, рассеченный лучами прожекторов, извивающиеся полуголые тела танцовщиц гоу-гоу, разношерстная публика пьет, дергается под музыку, флиртует.

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы знать, о чем думает каждый человек в этом зале. Похоть, секс. Для этого они все здесь.

Зачем пришел я? Понятия не имею.

За пять лет, что я не был в «Шипах и розах» многое изменилось. Интерьер, официанты, меню. Даже хозяин. Три года назад в криминальной хронике писали о зверском убийстве господина Латова. Его машину то ли обстреляли, то ли взорвали. Честно говоря, мне было все равно. Промелькнула только одна мысль: «Как теперь Алена?». Но я ее прогнал.

Сегодня пятница, тематическая тусовка. Страйк звонил всю неделю, уговаривая прийти. У него как всегда в программе экшен. Он звал поучаствовать и меня. Но я больше не в игре.

Карамельная Алена так и осталась моей последней нижней. Было несколько попыток вернуться к Теме. Особенно после того, как Лариса вышла замуж — за нормального ванильного мужика. У нас с ней так ничего путного и не вышло. Прошлые обиды, недоверие, ревность. Мы продержались чуть больше полугода. А потом у нее появился Андрей. Достойный человек, обеспечивает ее, ладит с Ванькой. Хотя сын все равно все больше времени проводит со мной: в тайне этим горжусь.

Я так и остался, как говорит моя мама — неприкаянным. В отлаженной программе произошел сбой. Выпал винтик, на котором все держалось. Вдруг ощутил — мне не нужна эта власть, эта ответственность. Хочу отвечать только за себя самого. Случайный секс без обязательств, пустая холостяцкая квартира. Это удобно и спокойно. Только иногда наваливается тупая тоска. Как сегодня.

Допил свой коньяк, махнул официанту. Хочется напиться. Все равно меня никто не ждет. Страйк после вечеринки будет звать к себе — будет повод отмазаться.

Официант вернулся как-то слишком быстро и без подноса. С загадочным лицом положил на столик передо мной какую-то карточку. Я поднес ее к глазам, пытаюсь рассмотреть в полутьме, что там написано. Официант склонился к самому уху и сказал:

— Следуйте за мной. Это пропуск в вип-ложу. Вас ожидают.

Посмотрел на официанта удивленно. Кто меня может ожидать в вип-ложе? Я так давно не был в клубе. Меня уже и не помнит никто. Страйк что-то задумал?

Официант проводил меня до лестницы на второй этаж. Стало не по себе. Я тут уже был. Пять лет назад. С Латовым. Воротник рубашки стал тесен. Расстегнул верхнюю пуговицу. Выругался про себя.

Около знакомой двери торчал громила в черном костюме. Предъявил ему пропуск, он с каменным лицом распахнул передо мной дверь.

Я шагнул внутрь, теряясь в догадках.

Полумрак пах женскими духами, сигаретным дымом с ментолом и разогретым воском.

Интерьер сильно изменился, вместо строгой кабинетной мебели — кожаных кресел, дивана, массивного низкого столика, теперь были обитые бархатом мягкие оттоманки,

лежанки в восточном стиле, горы подушек, газовые занавеси. Только цвета остались прежними: черный и темно-красный.

— Господин Вольф, проходите, не стесняйтесь!

Не поверил своим ушам. Этот голос я не мог не узнать. Хотя он изменился. Уверенная в себе женщина, привыкшая приказывать.

Она встала с дивана, небрежно оттолкнув парня, что сидел у ее ног. Успел заметить не нем ошейник. Вот как...

— Как мы давно не виделись. Вы совсем отошли от Темы?

Я смотрел на Алenu во все глаза, совершенно потеряв дар речи. Стоял, открыв рот, как последний идиот.

Она была совсем другой. Ничего от прежней Алены — нежной, упрямой и покорной девочки, не осталось. Циничная, властная хищница. Презрительно кривит ярко-накрашенные губы. В длинных пальцах, унизанных кольцами, — тонкая сигарета. Строгий черный костюм на грани скромности и вульгарности. Глубокий вырез позволяет понять — на ней нет лифчика. Могу поспорить — трусиков тоже.

— Садитесь, что же мы стоим, — Алена кивнула мне на оттоманку рядом с диваном. — Коньяк, кажется, вы его предпочитаете?

Наконец смог преодолеть свой ступор.

— Да, спасибо. Как ты... вы...

— Ой, оставь церемонии. Давай на ты.

Алена уселась обратно на диван, небрежным жестом отослав парня, что продолжал все это время стоять на коленях. Закинула ногу на ногу, покачала туфелькой. Затушила сигарету. Парень бесшумно появился откуда-то из-за занавески с бутылкой и двумя пузатыми бокалами.

— Как ты, Игорь? — спросила Алена, заглядывая мне в глаза. Вопрос прозвучал мягко и искренне.

— Нормально, — ответил я и поморщился от банальности сказанного. — Давно не в Теме, если ты об этом.

— Что так? Вернулся к ванили?

— Ну не совсем. Просто больше не практикую. Сегодня вот позвал друг, не смог ему отказать.

— А мне вот пришлось взять дела отца в свои руки. Наверное, слышал...

— Да, конечно.

Видно было, что вспоминать о гибели отца ей неприятно.

— И как, справляешься?

— Как видишь.

Алена усмехнулась. Небрежный жест рукой и парень упал на колени у ее ног, начал вдохновенно целовать туфельку.

Мне стало противно. Алена поняла это по моему лицу и оттолкнула раба.

— Зачем ты меня позвала? Ностальгия?

Алена молча смотрела мне в глаза. В полумраке они казались почти черными — один сплошной зрачок. Так знакомо...

— Сама не знаю. Увидела тебя, там в зале. Так захотелось услышать твой голос.

Алена взяла новую сигарету, раб мгновенно вскочил и поднес зажженную зажигалку.

Затянулась, выпустила дым через ноздри.

— У меня больше никогда не было верха. После тебя.

Захотелось вдруг признаться, что и у меня не было нижней. Но промолчал.

— Думала, больше вообще не вернусь к Теме, никогда. А когда отец... Пришлось стать другой. А потом вдруг как-то само собой получилось. Так забавно играть в живые игрушки... Правда?

Она вдруг протянула руку и коснулась кончиками пальцев моей щеки.

— Шершавая... помню... когда по коже... там...

Алена сжала мою руку, положила себе на колено, провела ладонью вверх по внутренней стороне бедра...

— Вот так...

Мягко высвободил руку.

— Зачем? — спросил я хрипло. В голове шумело, сердце стучало. Она заводила меня, если продолжит в том же духе, не ручаюсь, что смогу остановиться.

— Ты же меня хочешь... Я чувствую.

Огромные темные глаза так близко. Ладонью погладила ширинку моих брюк. Облизала губы.

— Попробуешь мой топ? Я буду нежной Госпожой, тебе понравится...

Меня плавило от желания, пах скрутило... Я хотел... дико хотел ее... Прижал к себе, задирая юбку, жадно смял попку, большим пальцем другой руки провел по губам, заставив открыть рот. Она послушно приняла его, облизала... Черт!

— На колени...

Она распахнула глаза шире.

— Я не...

— Детка... я играю только по своим правилам. Хочешь играть? Давай. На колени.

Алена резко вырвалась из моих рук.

— Я больше не твоя игрушка! Меня никто больше не просадит вниз! Я теперь Госпожа!

Мне вдруг стало ее жаль. Нестерпимо. До боли в груди.

Подошел к ней сзади. Обнял за плечи, прошептал на ухо:

— Глупая малышка... Играй в свои игрушки. Пока не надоест. Я свое уже отыграл. Только Игра — это не жизнь, детка. Когда-нибудь ты это поймешь. Прощай.

Вышел на улицу, вдохнул полной грудью. Ночной воздух, даже щедро сдобренный выхлопными газами показался свежим после спертой атмосферы клуба.

Запиликал мой мобильник. Наверное, Страйк. Черт, даже не попрощался. Да и Бог с ним. Вдруг понял — это точно конец. Больше я не вернусь.

Телефон перестал гудеть и вибрировать. Достал его, повертел в руках. Полистал список контактов. Саша... Что за Саша? Ах, та девушка, с которой познакомился случайно в супермаркете. Милая, насквозь ванильная. Мы даже один раз встречались потом, кажется в кино ходили. Поддавшись внезапному порыву, нажал набор номера.

— Здравствуйте, Саша. Это Игорь. Помните? Спасибо, приятно. Конечно, уже поздновато, но может, согласитесь на ужин со мной? Отлично! Выбирайте ресторан. На мой вкус? Хорошо, тогда итальянский, «Пронто». Да, через час. До встречи!

Больше книг на сайте - Knigolub.net